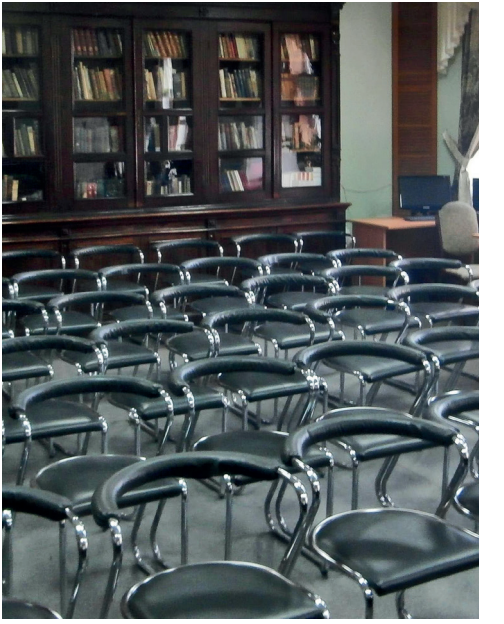
ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

ВСЁ ОСТАЁТСЯ ДРУГИМ



ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

ВСЁ ОСТАЁТСЯ ДРУГИМ

ИЗБРАННОЕ

ТЕТРАДКА ТРЕТЬЯ

Владивосток
«Русский Остров»
2021

УДК 82
ББК 84
Т93

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА **НАРОДНАЯ КНИГА** ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СОВМЕСТНО С ОБЩЕРОССИЙСКИМ ДВИЖЕНИЕМ ПОДДЕРЖКИ ФЛОТА (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **МИХАИЛ НЕНАШЕВ**), ПРИМОРСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **АЛЕКСЕЙ БУЯКОВ**)

Директор программы **ЭЛЬВИРА КОЧЕТКОВА**

Серия ПОЭЗИЯ. Девятнадцатая книга серии

Тыщких, **В.М**.
Всё остаётся другим / В.М. Тыщких. – Владивосток: Изд-во «Русский Остров», 2021. – 200 с.

«Всё остаётся другим» – книга мудрого человека, прожившего богатую жизнь и щедро, легко раздающего долги. Лучшие стихотворения Владимира Тыщких останутся в литературе – останутся другим, для других. Хочется, чтобы читатель этой книги приготовится к тому, что поэзия В.М. Тыщких сделает и его – в высоком смысле слова – должником: должником русской литературы.

ISBN 978-5-93577-225-3

УДК 82
ББК 84

© **«НАРОДНАЯ КНИГА»**, 2021
© **Владимир ТЫЩКИХ**, 2021
© **Виктор БОГДАНОВ**, предисловие, 2021

ВСЁ ОСТАЁТСЯ ДРУГИМ

Спасибо

Ольге Тютюнник (Владивосток)
Виктору Богданову (Омск)
Александру Борисову (Электросталь)
Олегу Шелудько (Богородское)
Александру Яквину (Владивосток)
за пожертвования на издание
этой книги

Эльв. Кочеткова

ВЫСОКИЕ ДОЛГИ ПОЭТА

Жизнь Владимира Михайловича Тыцких — в самых общих её чертах — видится мне так: с одной стороны, это жизнь человека долга, верного слуги Отечества, военного моряка, с другой — жизнь человека, пропустившего через себя огромное множество мест, событий, людей и прочитавшего изрядное количество хороших книг. Эти особенности биографии Тыцких прямо и чётко отражаются в его поэзии, в частности — в его новом сборнике, который вы держите в руках.

Владимир Тыцких — поэт строгой, твёрдой, чеканной формы. Поэт с отлично поставленным и непрерывно тренируемым голосом. Поэт по преимуществу предельно внятной дикции. Но форма у Тыцких и пластична: нередко даже в совершенно избитые стихотворные размеры ему удаётся влить «свежую кровь», а от случая к случаю выбираемая им строфика — довольно неожиданна и не даёт читателю заскучать. Поэтическое дыхание В. Тыцких — здоровое, ровное: он прекрасно чувствует себя и владеет собой и в сжатом пространстве четверостишия, и на длинной дистанции повествовательного стихотворения.

Способы (гражданское, публицистическое, историческое, пейзажное, любовное, философское, шуточное стихотворение) и тон (от высокого пафоса, красноречия, остроумной плакатности до ёмкой, парадоксальной философичности, от сдержанной чувственности до едкого сарказма или тонкой иронии) высказывания у В.М. Тыцких завидно разнообразны, однако всегда жёстко объединены мировоззрением и нравственной позицией автора.

Поэзия Тыцких охватывает значительный круг явлений и вопросов, живёт большими расстояниями и сопряжёнными временами, она «идёт от жизни», дышит жизнью, но вовсе не чужда культуре, особенно — культуре русской. Вот и на страницах этой книги, кроме «простых смертных», вы встретите Есенина, Рубцова, Пастернака, Шекспира, Астафьева, Шевченко, Валиханова, Гоголя, Твардовского или — в незакавыченных цитатах — того же Твардовского, детскую считалку, русскую народную песню... А читатель, искушённый в литературе, увидит за отдельными стихотворениями сборника «тени великих» — от Пушкина и Тютчева до Прасолова и Юрия Кузнецова.

В. Тыцких — поэт прямой, честной, задушевной, брезгающей масками и литературными играми речи, «лирический герой» его стихотворений обычно тождественен автору. Казалось бы, с таким старомодным оружием сегодня в изящной словесности далеко не уедешь. Но Владимир Тыцких едет: он почти всегда интересен, а порой — и захватывающ, благодаря — в равной мере — как природному таланту, так и упорному самообразованию, зоркому постижению мира и кропотливому труду.

Одна из самых ярких и привлекательных черт поэзии Тыцких — её афористичность. Многие его стихотворения так и хочется «разобрать на цитаты». И здесь необходимо сделать отступление о цитировании.

При подготовке этого предисловия, прочитав и обдумав присланный мне Владимиром Михайловичем сборник, я, как принято, стал отмечать в текстах строки и строфы, иллюстрирующие те или иные тезисы моих размышлений о поэте. Вскоре файл с книгой «расцвёл» у меня бесчисленными цитатами всех цветов радуги. И я понял: на каждую мою мысль у Тыцких столько «примеров» — один лучше другого, ещё и уточняющих, или продолжающих эту мысль

глубже, объёмней, или расщепляющих её на несколько, скажем так, русел, — что выбрать из них один-два и «выставить» их в предисловии абсолютно невозможно, да и ненужно: это не откроет читателю, а — наоборот — обеднит и засушит текучий и многогранный мир Владимира Тыцких. Так что цитат не было и не будет. Шла бы речь об анализе единственного стихотворения или определённой темы — тогда дело иное. А целый сборник Тыцких — вещь, слишком богатая для цитирования в предисловии. Да и зачем растягивать предисловие на полкниги? Пусть читатель сам подкрепляет-опровергает мои (и, конечно, собственные!) впечатления понравившимися ему у поэта строчками.

Человеческое бытие, как и жизнь природы, в поэзии В.М. Тыцких одновременно и циклично, и линейно. Дерево растёт и развивается из семечка в более или менее мощный организм, а потом, в положенный ему срок, умирает. И дерево в своём развитии на протяжении всей жизни строго подчинено смене времён суток и года. То же — и у людей. Однако линейность именно человеческого существования имеет дополнительное — в сравнении с прочими тварями — измерение: связь поколений, отцов и детей,

историю, традицию и культуру. Другими словами, это способ сохранения и канал передачи индивидуальных и коллективных знаний, опыта, памяти, моральных устоев, падений и взлётов… Сия удивительная, громадная «надстройка» и для Тыцких-человека, и для Тыцких-поэта исключительно важна. Недаром все — казалось бы, разрозненные — части и частицы универсума ожидаемо и неожиданно связаны у него между собой. Стихотворение Владимира Тыцких, как правило, стягивает в единый клубок множество периодов, мест, явлений и судеб. В итоге даже расхожая бытовая сцена может мгновенно обрастать у Тыцких глобальными смыслами и приобретать всеобщее — и непреходящее — значение.

В. Тыцких поэт деталей — и поэт глубоких обобщений, поэт крепкого удара, бескомпромиссного самостояния — и поэт нежности и любви, прощения и сострадания. Остро чувствуя и рельефно изображая перегруженность, запутанность, тяжесть человеческой доли, Владимир Тыцких, тем не менее, остаётся певцом простых вещей и понятий, помогающих ему (и нам, его читателям) нести свой крест, справляться с жизнью. Вода и хлеб, родной порог и родная

природа, верная дружба, пронзительная песня, честь, честность, чистота, правда, высокий долг человека перед ближними и дальними, перед Отечеством, перед всем, в сущности, миром и неугасимая трудная любовь к этому миру в его бесконечных, прекрасных и не очень, переменах и повторах — вот ценности, путеводные нити и спасительные соломинки поэзии Тыцких.

Что касается тематического содержания, творчество Владимира Тыцких — явление, опять же, чрезвычайно широкого охвата. Одних так называемых магистральных тем в его поэзии — не сосчитать: Родина и родня, отечественная история и рассматриваемая поэтом как бы сквозь её призму современность, будни и подвиги солдата, русская природа, русская песня, море и жизнь моряка, любовь к женщине, беды и радости бытия… И в новом сборнике автора каждой из этих тем уделено пристальное внимание. Но мы поговорим лишь о некоторых.

История — прежде всего, естественно, история России — занимает в книге *«Всё остаётся другим»* (да и во всём, что написано Тыцких) едва ли не главную позицию. История для В.М. Тыцких — не только (и даже не столько) прошлое, это, одновременно, и настоящее, и будущее. То,

что всегда рядом, «здесь и сейчас». История для Тыцких — длящаяся реальность, с которой он стоит лицом к лицу. (Рискну сказать больше: от иных стихотворений поэта возникает ощущение, что история буквально течёт в его жилах, что она — его кровь и плоть.) Лицом к лицу с ней он заставляет встать и нас, читателей. И это — испытание. Поскольку история у Владимира Михайловича — не набор картинок, а универсальный инструмент для проверки нравственных качеств человека. Память и беспамятство, общая и личная вина, верность долгу и себялюбие — вот несколько мерок, зачастую сплетённых в чудовищные узлы и неразъединимых, которые история, по Тыцких, прилагает к нему и к любому из нас.

Однако у современности «мерки», к сожалению, совершенно другие, если они вообще есть. И Владимиру Тыцких — советскому офицеру, человеку и поэту века 20-го — они смешны, отвратительны и чужды. На страницах этой книги вы откроете для себя целый пласт горьких, гневных и едких стихотворений, посвящённых нашему сегодняшнему дню — жизни, которую и жизнью-то в традиционном, привычном от века к веку, смысле становится называть всё

труднее. Кажется, единственное, что поэт считает возможным позаимствовать у неё и привнести в стихи,— рождённая ею мусорная, жаргонная, забугорная, лукавая лексика, и та нужна Тыцких для контраста — чтобы поставить её на посрамление рядом с исконными, высокими и простыми, словами родной речи и понятиями русской правды.

В.М. Тыцких, поэт с гулкой публицистической струной, как только речь у него заходит о любви, о женщине, превращается в тонкого лирика или — с возрастом — в грустного мудреца. Многие его любовные стихотворения построены на умолчаниях, на мерцающих сквозь ткань стиха подтекстах.

Тыцких — лишь на первый взгляд певец земного, дольнего. Чем старше поэт, тем чаще он смотрит на жизнь окружающих и на жизнь собственную с точки зрения вечности, а иногда — и глазами Высшего Судии. Метафизические мотивы — с течением лет — становятся в его творчестве органичней и разнообразнее, что хорошо заметно по сборнику *«Всё остаётся другим»*.

Тыцких — поэт поразительно жизнелюбивый, то жадно, то неторопливо, но и неутолимо,

пьющий бытие, как драгоценное вино. Мир дал Владимиру Тыцких много — и Тыцких много впитал из него. Сказать, что он прекрасно сознаёт это — не сказать ничего. Ибо абсолютное большинство стихотворений Владимира Михайловича буквально пронизано трепетным пониманием этого и благодарностью за это. Собственно, его поэзия есть, среди прочего, раздача долгов — истории, предкам, Родине; матери и отцу, братьям, любимым женщинам, сыновьям, друзьям; родному флоту и отечественной литературе; природе, жизни, Богу. Возврат долга — как творческий акт, как духовная поддержка и продление дел предшественников и возвышение душ современников — один из краеугольных камней этики Тыцких.

Но название сборника обусловлено не только этикой благодарности миру, исповедуемой Тыцких: оно продиктовано и порой подведения итогов, которая пришла для поэта. *«Всё остаётся другим»* — книга мудрого человека, прожившего богатую жизнь и щедро, легко раздающего долги. Лучшие стихотворения Владимира Тыцких останутся в литературе — *останутся другим, для других*. И для каждого настоящего — чуткого и умного — читателя они будут немножко

другими, разными, при этом — в главном — они, надеюсь, для всех сохранятся такими, какими явились поэту в момент их создания. Хочется, чтобы читатель этой книги приготовился к тому, что поэзия В.М. Тыцких сделает и его — в высоком смысле слова — должником: должником русской литературы.

Виктор БОГДАНОВ,
14 декабря 2020.

* * *

По диким степям Забайкалья
Вагоны катил тепловоз,
И звон прорывался кандальный
Сквозь лязг громыхавших колёс.

Попутчик с попутчицей вздорил,
И души их были тесны
Для малого личного горя
И общей великой вины.

Вагон был забит до отказа,
А в нём бушевала гроза:
Срывались два голоса разом,
И слепли от гнева глаза.

Все рядом — так близко, так вместе,
Так тесно, так все заодно...
За стёклами полночь и месяц
С опаской глядели в окно.

Всему есть цена. И расплата
За всё — не своё и своё.
К рассвету мы едем, к закату?
Куда мы приедем ещё?

То в горку, то снова под горку
По кругу бредут день и ночь
От чьих-то великих Нью-Йорков
До наших забытых Могоч.

Одним согревается солнцем
Весь мир, помутневший от гроз,
В котором кто с горя смеётся,
Кто с радости плачет до слёз.

От долгих степей Забайкалья
До скорых космических трасс
Простёрлись дороги и дали,
А выбор зависит от нас.

Но больно, обидно и дико,
Что в нашем вагоне всю ночь
Мы чьей-то беде невеликой
Все вместе не в силах помочь...

ТАЙФУН

По прихоти каких безумных лун,
Сожительством каких слепых ветров
Зачатый далеко от берегов,
На берег мой обрушился тайфун?

Пропало небо. Свист незримых крыл
Ворвался в мир. Свет умер, потемнев.
И обнажились корни у дерев,
Лишая кроны жизненосных сил.

Погнулся вечный кедр, предчуя смерть.
И стало затруднительно дышать.
Явился страх — куда-нибудь бежать!
Но из-под ног плыла земная твердь...

Всё чаще так. И всякий раз страшней.
И я уже с ума сойти готов.
Мне кажется, случайных нет штормов,
И все они на совести моей.

Земля моя! Не из твоих ли ран
Твои ручьи свой начинают бег?
Последней кровью обмелевших рек
Не ты ль вскормила грозный океан?

Кормилица! Твой поглощая корм,
Он исподволь готовился к борьбе...
И по тебе прошёлся этот шторм.
И *этот* шторм прошёлся по тебе...

1987

ХОЛОП

Они пришли опять. Их злое имя
Руси запоминать не первый раз.
Достойный муж для честной встречи с ними
Сам выбрал поле и назначил час.

Холоп не спорил. У судьбы холопьей
Давным-давно разведанный сюжет.
В который раз на подступах к Европе
Встал русский смерд на смертном рубеже.

О сколько душ вписал крещёный в святцы,
Чтоб это право выбора иметь!
Погибнуть. Победить — и жить остаться.
Остаться жить — и снова умереть.

И вновь он был ни в чём не виноватый,
Не шибко сыт, но годен для борьбы,
И, голь босая, не закован в латы,
Зато свободен в выборе судьбы.

ВОСПОМИНАНИЕ У КАРАКОРУМА

Потомки чингисхановых коней
Стригут траву. В пылище придорожной
Купается монгольский воробей,
До пёрышка на русского похожий.

Стекает с гор просторная страна.
Томится даль в мерцанье марев знойных.
Прозрачна селенгинская волна.
Сокрыты Летой и миры, и войны.

Но помнит степь: кровавится рассвет,
И жмутся тьмы к подножиям курганов,
И свищут стрелы триста зим и лет,
И пусто не становится в колчанах.

В горящем сердце жалость схороня,
Я, волей бредя и до жизни жаден,
То падаю с монгольского коня,
То заживо горю в славянском граде.

И поднимаюсь как в тяжёлом сне,
И тёмные века глядят мне в спину,
Дивясь, что живы до сих пор во мне
Рязанский смерд и тёмник Темучина...

Июнь, 1989.
Улан-Батор, Чойболсан,
Халхин-Гол.

КАТОРЖАНИН

Не занесён на вечные скрижали,
Не досягаем в далеке своём,
Был мой прапрадед ссыльный каторжанин,
И это всё, что я узнал о нём.

Наверное, он был мужик упрямый,
Хоть до поры и терпелив, и тих.
Я в детстве про него слыхал от мамы.
Теперь и мамы нет уже в живых.

Где твои корни, древо родовое?
Спаси себя, спаси и сохрани!
Я как слепой перед глухой стеною,
А за стеною — пращуры мои.

В каких священных книгах прочитаю,
Кто и когда рождён и погребён?
Родимые мои, ведь я не знаю
Ни ваших дел, ни званий, ни имён...

Я выношен ушедшими веками,
Но кровного не отыщу следа.
Беспамятство своё, как тяжкий камень,
Тащу сквозь расстоянья и года.

И камень тот чем дальше, тем огромней
И душу все мучительней гнетёт...
А каторжанин верил — буду помнить.
И знал, за что на каторгу идёт.

ДОРОГА НА ХАТЫНЬ

...чтобы каждый видел грудь
четвёртого человека...
Строевой устав Вооруженных Сил

...погиб каждый четвёртый.
Надпись у Вечного огня Хатыни

Как далеко мой полуостров,
Где ветер о штормах поёт
И где в литом строю матросском
Есть место штатное моё!

На край тайфунов и цунами
Я поневоле оглянусь,
Когда зелёными холмами
Плывёт навстречу Беларусь.

Асфальт шоссейный превосходен.
Чиста надоблачная синь...
Всё дальше прошлое уходит,
Но приближается Хатынь.

И гул моторов словно тает:
Среди сосновой тишины
Я не могу никак представить
Живых подробностей войны.

Тем паче не представлю мёртвых,
Но верю вопреки всему –
В моей шеренге есть четвёртый,
И я равняюсь по нему.

* * *

Войди в калитку без опаски,
Из тьмы измученных веков
Услышь впервые: «Кали ласка!» –
Других уже не надо слов.

Ты мне открылась как прообраз
Грядущей нашей доброты.
Будь, Беларусь! Живите добро,
Мои сябры, мои браты!

* * *

Мне бы жить-поживать красным летом,
Мне бы белой зимой зимовать,
Мне бы... Только пришлось мне за это
Бросить всё и идти воевать.

Были тройка моя и тачанка,
Был в тачанке «максим»-пулемёт...
Я с гражданской вернулся подранком,
А уже мировая идёт.

Я оставил и дочку, и сына,
Чтоб Москву от врага отстоять.
Я с боями дошёл до Берлина...
А Москва в окруженье опять...

* * *

От колодца тропка вьётся
До соседских до ворот.
Мальчик воду из колодца
До калиточки несёт.
Мальчик девочку жалеет
И в глаза её глядит,
А она в ответ краснеет
И «Спасибо!» говорит.

Май упрятал в даль ночную
Все тропинки на лугу.
Мальчик девочку целует
Под ветлой на берегу.
Ветер ласковый волнует
Кудри заспанных ракит.
Мальчик девочку целует,
«До свиданья!» говорит.

Он бы славно пожил с нею,
Но пришли плохие дни.
Мальчик девочку жалеет
На виду у всей родни.
На свою ли, на чужую
На беду ли, на вину

Мальчик девочку целует
И уходит на войну.

Всё как встарь на белом свете:
За околицей села
Тот же луг, и тот же ветер,
Те же речка и ветла,
Та же тропка так же вьётся
До колодца от ворот,
И по тропке от колодца
Воду девочка несёт...

ВЕЧНОЕ ВРЕМЯ

Где гусарская жжёнка
и славный гвардейский крюшон,
Где ликуют полки,
отшагав до победы полсвета?..
Вообще-то, мы ждали —
так долго! — не всех, кто пришёл,
И до многих пришедших
нам не было дел, вообще-то.

Кто их знает, весной ли, зимой —
где-то там или там
Задержались родные,
которых мы ждали так долго, —
Разошлись, растворились в степях,
по горам и лесам,
Потерялись у Буга и Припяти,
Дона и Волги.

Безоглядное время проходит,
а память бежит
Как вода — не удержишь! —
сквозь ржавое драное сито.

Без креста и звезды
где-то дед мой в окопе лежит,
Или — страшно сказать! —
взятый в плен, помирает от пыток.

Может, это не плохо,
что дед мой сейчас не придёт
И о том, что сегодня болтают о нём,
не услышит,
И кина про войну не посмотрит,
и книг не прочтёт,
Что спасённые им, словно бредя,
снимают и пишут.

Только всё-таки временно время
вранья и стыда,
Но нетленна душа моего
не пришедшего деда,
И останется с нею и с нами —
одно навсегда! —
Из прошедших времён
только вечное время Победы.

* * *

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт их враг,
Займёт, сводя все те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Василий Фёдоров

В сутеми смыслов и замети слов
Словно слепцы, оглушённые вьюгой,
Разве не мы по смертельному кругу
Бродим сегодня, не слыша друг друга,
И запеваем с чужих голосов?

На перекрёстках путей и времён
В гуле причалов и шуме перронов
Голос вокзалов, кают и вагонов
Впишем в холодную память айфонов,
Не сохранив адресов и имён.

В хитросплетеньях эпох роковых
Вряд ли случайное было случайным:
Неизлечимо, фатально, летально
Спутаны судьбы, и правды, и тайны –
Долго придётся распутывать их.

Всюду разлука, куда ни глядишь.
Ты не печалься до срока, родная.
Прежде, чем голос мой где-то растает,
Я бы хотел побывать на Алтае,
Но не поеду ни в Рим, ни в Париж.

В круговращенье безжалостных лет
Непродолжительно наше свиданье,
И, расставаясь, обняв на прощанье,
Я ничего не скажу в оправданье,
Зная, что мог бы услышать в ответ.

Я бы, признаюсь, остался — кричать:
Добрые люди, вам столько наврали!
Сами-то вы от вранья не устали?
Наши отцы про Берлин не мечтали,
А уходили Москву защищать!

В мире пластмассы и кибермашин,
В море разброда, раздора, разбоя
Нам ли смиряться с позорной судьбою
И отступать, отдавая без боя,
С наших, не сданных отцами, вершин!

ГВОЗДИ

Шляпка к шляпке — гвозди оба.
В масле жили бы лет сто...
Тем забили крышку гроба.
На другом висит пальто.

Что бы мы про гвоздь ни пели,
Нужен гвоздь всегда и всем;
Без гвоздя, на самом деле,
Много вылезет проблем.

Шляпка к шляпке — так похожи:
Раз, два, три, четыре, пять...
Этого согнуть не можем,
Тот устали выпрямлять.

Эти малость заржавели...
Тут поди не заржавей,
Как узнаешь, что хотели
Гвозди делать из людей!

Шляпка к шляпке — каждый создан
Точной копией других.
Одинаковые гвозди.
Судьбы разные у них.

Этот выдержал экзамен –
Сбил домишко для скворчат.
Тот икону держит в храме.
А вон тем — Христос распят...

* * *

За что их кормит отчая земля?
Каких кровей они, с какой планеты?
Кто их учил от Вечного огня
Прикуривать под пиво сигареты?

Подводится последняя черта,
Когда уже не свято всё, что свято,
Когда глумливо скачет мерзота
Там, где лежат погибшие солдаты.

Когда б ни пуля этому в висок,
Ни эти двум ли, трём — осколок в сердце,
Притопали бы каты на восток
И задали бы нам с баландой перца.

И то не всем — лишь тем, кто выжить мог,
Противникам труда и обороны,
Кому дано лизать чужой сапог
В награду за холопские поклоны.

Да, мир от сотворенья поделён
На тех, кому дороже чести шкура,
И тех, кто честь простреляннных знамён
Не посрамит ни спьяну и ни сдуру.

Нам без святынь своих не устоять,
Не выжить без отеческих заветов.
И кто-то будет это предавать.
А кто-то снова жизнь отдаст за это.

* * *

Всего и дел на белом свете:
Поднять детей, построить дом
И на добро добром ответить,
На зло не отвечая злом.

* * *

Какое хочешь можно снять кино,
Роман соорудить какой угодно
О тех, кто во сырой земле давно
Молчат побатальонно и повзводно.

А голоса вернувшихся с войны,
В боях смертельных не щадивших жизни,
Редки сегодня и едва слышны,
Хотя, как никогда, нужны Отчизне.

Стыдливо стихли гордые слова
Отечество, народ, победа, слава.
Теперь в ходу «бригада» и «братва»,
А в «брэнде» «пипл», «бабки» да «халява».

В фаворе «суперстар» и «шоумен»,
Ушла героев и трудяг эпоха,
Пришла эпоха трёпа и измен,
И плохо даже тем, кому неплохо.

Чему служить сегодня, ждать чего
В смешении родного и чужого,
Коль «пипл» и «смотрящие» его
Забыли, что в начале было слово?

Но ничего не кончилось, пока
По фронтовой пылающей дороге
Идёт солдат Бессмертного полка,
На помощь нам поднявшись по тревоге.

* * *

Годы мчатся, словно снятся,
А на сны управы нет.
Мне уже не восемнадцать,
Но ещё не двадцать лет.

Хоть давно виски седеют,
Жизнь не кончилась пока,
Завтра стукнет тридцать девять –
Целый год до сорока.

Подступает к сердцу осень,
Золотой надев наряд.
Мне, увы, не сорок восемь,
Но зато не пятьдесят.

Пусть денёк зимою краток,
Но гляди, как даль чиста.
Мне всего восьмой десяток,
Далеко ещё до ста...

* * *

На свете то, что не мгновенно,
То временно: всё — прах и тлен.
Одно от века неизменно –
Цепь непрерывных перемен,
И незаметно, постепенно
Ты подчиняешься вполне
Разнообразным переменам
В делах, в погоде и в стране.

И ты порой не очень свежим
Ветрам всё новых перемен,
Как ни крути, весьма привержен,
Как ни воюй, сдаёшься в плен,
Признав спасительной при этом
Мысль горькую, как соль во рту,
Что паруса мертвы без ветра,
Но часто рвутся на ветру.

И скоро, может быть, не скоро
Поймёшь — дела твои просты:
Ты гадом не был, не был вором,
Но и героем не был ты,

И не однажды вспомнишь горько,
Как много всякого стряслось,
Чего ты не хотел, но только
Оно с тебя и началось.

* * *

Когда утихнут все былые споры
И больше будет не о чем тужить,
Когда неосторожным кредиторам
Придётся все долги твои простить;

Когда за дальней далью, за туманом
С причала жизнь махнёт тебе рукой,
Став первым и последним океаном
Из всех, что были пройдены тобой –

Окажется в одном сухом остатке,
Чего не поменяешь никогда:
Солёной будет соль, и сахар сладким,
И камень камнем, и водой вода;

Несмелое уже не станет смелым,
Бессильное останется без сил,
Несделанным — всё то, чего не сделал,
Непоправимым всё, что натворил.

* * *

Снег падать спешит,
и пролиться торопится дождь.
А тангенс прямого угла
безнадёжно бесправен.
Так трудно смириться –
того, чего нет, не найдёшь,
того, что свершилось,
назад не вернёшь, не исправишь.

Когда бы всё было не так,
я бы не был в долгу
у свежих цветов,
что сорвать не успел для любимой,
ни разу не струсил,
руки не подал бы врагу,
но двери открыл бы для друга,
идущего мимо.

Я мог бы признаться себе,
что, в моря уходя,
боялся не знать об измене
сильней, чем измены.
Я чаще глядел бы,
как звёзды на землю глядят,

и старые фото
повесил бы снова на стены.

Я жил бы, как жил,
и служил необъятной стране,
где мне никуда
от любви и надежды не деться,
и письма от деда,
который пропал на войне,
пришедшие с фронта,
сберёг бы у самого сердца.

Как был бы я счастлив увидеть:
забыв про меня,
забыв хоть на время
про поттеров разных и дракул,
склонились над письмами деда
мои сыновья –
читают и плачут,
как я бы читал их и плакал.

* * *

Господи, куда мы и откуда?
Самое-то главное — зачем?
Ясно: жизнь земная — просто чудо.
А чудо не разгадано никем.

Бесконечны вечные вопросы,
И на них ответов не дают
Карандашный лёгенький набросок,
Нежный поэтический этюд.

Но светить должна в просторах мглистых
Хоть одна надёжная звезда.
Может, смысл жизни — поиск смысла,
Который не прервётся никогда.

Господи, прости несовершенство
Наших чувств, и мыслей, и трудов!
Звёздной пылью на путях вселенских
Остаёмся мы во тьме веков.

Остаёмся, если были рядом
И стояли до конца в строю
На поверках, маршах и парадах
И в беде, и в драке, и в бою.

Ну а если в срок и раньше срока
На пути к космической тиши
Вдруг душа осталась одинока,
Это значит — не было души.

* * *

Занятие не из простых
Поэтов и поэток –
Читать себе великий стих
О том, что летом — лето,
Весна — весной, зимой — зима,
А осень — строго — в осень,
Что «очень» — значит, без ума,
И вот с умом — не очень,
Что слово «я» — бесспорно, да!
А «мы» — другое слово,
Что «славно» — просто ерунда,
Вот «клёво» — это клёво;
Бежать, закрыв глаза, во тьму
И падать ради смеха,
Кричать «ау», чтоб самому
Своё услышать эхо,
И восходить на пьедестал,
И с томностью усталой
Глядеть, как тот вон там сиял,
А эта здесь блистала,
И сравнивать, взлетая ввысь,
Себя и с тем, и с этой,
Чтоб звёзды над тобой зажглись
От зависти поэтов

Других, достойных, может быть,
Известности какой-то,
И права так тебя любить,
Как любишь ты, но только
Вдруг забывающих, как звать
(что на тебя похоже),
Не любящих с утра вставать,
Самих себя тревожа,
Которым кружева не свить,
Не выплести циновки,
Печь не разжечь, гвоздя не вбить,
Не вырастить морковки.

* * *

Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны...
Николай Рубцов

Достать чернил и плакать!
Борис Пастернак

От окна широким плотным фронтом –
Книжные шпалеры вдоль стены.
За окном — холмы до горизонта
В ясный день отчётливо видны.

И вникать придётся долго-долго,
Забывая о простых делах,
Что там возлежит
на книжных полках,
Что там прорастает на холмах.

Мир давно восславлен
и изруган
Тьмою проницательных умов.
Жизнь идёт
по замкнутому кругу
Возле этих полок и холмов.

В сердце бьёт, хватает за живое,
Чтоб его от боли уберечь,
Книжное собранье мировое,
Русская пронзительная речь.

Вот она — из мрака или света –
На подъёме и закате лет
Речь непревзойдённого поэта
(Превзойдённый — это не поэт).

На земле родной поэты значат
Больше нас и больше них самих.
Каждый день земной судьбой оплачен.
Выношен душою каждый стих.

По пути, где слава рядом с плахой,
К заповедным песням и стихам –
Одному достать чернил и плакать,
А другому мчаться по холмам.

Долго надо маяться, однако,
Чтобы сквозь тенёта зла и тьмы
Из великих дебрей Пастернака
Выйти на рубцовские холмы.

Под кипенье трав и песни птичьи
Всё, что любо, снова полюбить,
И увидеть мир в его обличье,
И таким, каким он должен быть.

И в него нырнуть неосторожно,
И тонуть, хватая воздух ртом,
Поначалу то в простом, то в сложном,
А потом и в сложном, и в простом.

Рядом с Пастернаком и Рубцовым
Этот мир меняется в лице.
Ясно, что в начале было Слово.
Знать бы, что получится в конце.

* * *

Красавица, мечта поэта,
Твоя любовь и, наконец,
Соавтор и герой сюжетов
Судеб разбитых и сердец –
Какая разница, кого там
Она забыла в этот раз!
Тебе покажется, что вот он,
Твой долгожданный звёздный час.

Ты дом оставишь, бросишь семью,
Над грешною землёй паря.
Но как-то вдруг наступит время –
Она забудет и тебя.
И распадётся мир на части,
И посмеётся над тобой
Недолговременное счастье,
Чужой добытое бедой.

* * *

Омское медлительное утро.
Зимний неуверенный рассвет.
За окошком холодно и смутно.
Нет в душе тепла и света нет.

Верить ли, что завтра воскресенье?
У кого спросить, по чьей вине
Нету мне у Господа прощенья,
Нету у людей поруки мне?

Не Пегаса время оседлало,
Шпоры вмяв нечистому в бока,
То плетясь, то мчась через кварталы
Призрачной столицы Колчака.

И, пощады никакой не зная,
По сибирской стороне родной
За войной идёт война другая,
Чтоб забыться новою войной.

Я, попавший на рубеж передний,
Буду или нет виновен в том,
Что не все вернулись с предпоследней,
А с последней не придёт никто?..

Омск, прости! Я вовсе не об этом
Говорить с тобою был готов,
Едучи к моим друзьям-поэтам
С тихоокеанских берегов.

Там ещё тревожнее рассветы,
Даль туманней, ветер солоней...
Омичи, друзья мои поэты,
Дай вам Бог побольше светлых дней!

Дай нам всем, Господь, в местах заветных
Долго жить и верить, что Пегас
С поля брани часом предрассветным
Вынесет кого-нибудь из нас.

* * *

Не верьте мне. Я сам себе не верю,
Когда иду навстречу дураку
И человеком называю зверя,
И руку жму смертельному врагу.

Не верьте непростительной надежде,
Что слепошарый выведет из тьмы,
От заблуждений оградит невежда,
Богач спасёт от нищенской сумы.

Стратфордский бард
назвал весь мир театром.
Он был не слеп и знал, что говорил.
Аншлаг — спектакль идёт мильонократно
От Темзы и Гудзона до Курил.

Актёры, режиссёры, дирижёры
На сцене дело делают своё.
Легко в антрактах затихают споры
Всех зрителей и критиков её.

Смешны слова, когда они бессильны.
Страшны дела, когда они страшны.
Но все, как есть, герои опер мыльных
Сыграть последний акт обречены.

Судьба одарит временем и местом
И чистого душой, и подлеца.
Они вселенской не допишут пьесы.
Но роли доиграют до конца.

* * *

Друзья, ну сколько нас осталось
Дышать, здороваться, дружить!
Ещё недавно нам казалось,
Что все мы будем вечно жить.

Нам целый мир казался тесным,
А миром — тесные дворы.
Мы пели яростные песни,
Мосты сжигали, жгли костры.

Мы знали — пусть не очень много –
И о тюрьме, и о суме,
Но, говоря высоким слогом,
Старались видеть свет во тьме.

Нам и не слыхивалось слыхом
И оком видеть не пришлось,
Как мимо-мимо, тихо-тихо
Сквозь время времечко неслось...

Неслось, когда мы ели, спали,
Когда гуляли здесь и там,
Светло о будущем мечтали
И сладко верили мечтам.

Легко мгновения летели –
Казалось нам, какой пустяк! –
Порой не так, как мы хотели,
А часто и совсем не так.

Бывало, в кровь сбивая ноги,
Мы шага сделать не могли,
И приводили нас дороги
Вдруг не туда, куда мы шли.

Но мы опять шагали, плыли,
Летали в небе и во сне –
Казалось, просто жили-были,
А были счастливы вполне.

Те, кто сейчас идёт в дорогу,
Пусть тоже видят свет из тьмы,
И тоже будут, если смогут,
Счастливыми, как были мы!

* * *

И мне с тобой, и другу, и врагу
Опасно забывать про всё, что было,
Огнём палило, чёрной тьмой грозило,
Губило, возрождало и светило,
Вздымало в рост и крючило в дугу.

Ни другу, ни врагу, ни нам с тобой
Свершившегося не переиначить,
Не осчастливить, кто от горя плачет,
Не скрыть слезу, не заслужить удачу,
Не вырастить подсолнуха зимой.

Не в нашем, ни в ином каком краю
Ни нам с тобою, ни врагу, ни другу
Не сшить из сгнивших лоскутов подпругу,
Не отменить начавшуюся вьюгу,
Не выиграть в проигранном бою.

Один всему спасительный итог:
На миг не забывать о том, что было –
Беду, войну, солдатские могилы –
И помнить, видеть мрак времён постылых,
Чтоб их вернуть ни враг, ни друг не мог.

* * *

Всё чаще время с нами говорит
Раскрученной «фанерою» артиста,
Безмолвным криком надмогильных плит,
Взрывной волной от бомбы террориста.

И ты поди попробуй объяснить,
Зачем поёт один, другой рыдает,
Кого за что хвалить, кого винить,
Когда всё как-то странно совпадает.

Какая между тем и этим связь,
Что общего у кухонного мата,
У шоумена, мечущего грязь,
У дикого футбольного фаната?

Каких ещё не достаёт свобод,
Когда такая расцвела свобода,
Что запросто какой-нибудь урод
Плюёт в лицо свободного народа;

Когда любой последний негодяй
Освобождён от совести и чести,
И каждый сам живи и пропадай –
Сиди бегом, пока идёшь на месте?

Всему и всем назначен день и час.
Никто не избежит суровой встречи.
Но видит Бог — всё это не про нас.
Нам незачем спешить. Россия вечна.

* * *

Воспрянуть изо льда, плеснуть из камня –
Извилисто, пунктирно, как-нибудь.
Проникнуть, вызреть, прорасти рывками
И диким первоцветом полыхнуть.

Звенеть росой в прохладе предрассветной,
С травой дышать дыханием одним,
Струиться, никнуть, трепетать под ветром
И согреваться трепетом своим.

И знать с утра, что вечер на подходе,
Что родничок зима застудит в лёд,
Что всё — круговорот воды в природе:
Ты в нём живёшь, и он в тебе живёт.

Круговорот. Он, день за днём итожа,
Всё будет ведать про твоё житьё.
Ты временный. Ты без него не можешь.
Он с вечностью в родстве. Он может всё.

В урочный час и бедным, и богатым
Забытые долги отдаст сполна,
Простит вину, не отменив расплаты,
Чтоб совести не мучила вина.

Он твой запомнит дом и дом напротив
И разглядит на самой глубине
В сплошном добра и зла водовороте,
На чьей они стояли стороне.

* * *

О чем, друзья мои сердечные,
Опять мы спорили до слёз?
А время вместе с нами, грешными,
Летело, словно под откос.

А жизнь недолго долгой кажется:
Испив и радость, и тоску,
Она на мраморе уляжется
В одну бесспорную строку.

* * *

В защиту всех, не к месту и не к сроку
Произнесённых мною слов и фраз,
Скажу: в них был бы повод для упрёков,
Когда б они обманывали вас.

Чтоб никому не вышла правда боком,
О многом, не решаясь рассказать,
Я умолчу до самых крайних сроков,
Но не совру — мне надоело врать.

Что мир лежит во зле, наивно спорить,
Добавить лучше: тонет мир во лжи.
Но правду всю, с чужою правдой споря,
Попробуй, расскажи и докажи!

Она, порой, за гранью пониманья –
Умом не взять и сердцем не приять.
Всю правду знать и сохранять молчанье
Трудней гораздо, чем её не знать.

Пусть все молчат, но правда правдой будет.
Молчанием её не побороть.
А если мы друг друга не рассудим,
По правде всей рассудит нас Господь.

* * *

Уже миновали пятнадцать минут
театральных,
И поезд ушёл, и контрольное время прошло.
Приспела пора оглянуться на жизнь
беспечально,
Спокойно признавшись,
что с жизнью тебе повезло.

Тебе повезло по грибным перелескам
кружиться,
По звёздам в морях-океанах
прокладывать путь.
Тебе повезло под отеческим небом родиться
На русской земле,
а не там и не там где-нибудь.

Тебе повезло возвратиться живым
и весёлым
Из долгих разлук, бесконечных штормов
и тревог
На берег родной, на причал,
на заветный просёлок,
На мамину тропку в цветах,
на отцовский порог.

Тебе повезло: нет нужды
ни за чем торопиться,
Есть время любимые книги
открыть не спеша;
Есть время пойти хоть куда
и домой воротиться,
Отбросив сомненья,
что жизнь на земле хороша.

Дочитана книга с названием
«Лезвие бритвы»,
Подбиты итоги прошедшим
и будущим дням,
Уже напоследок остались мечта и молитва –
Чтоб так, как тебе, повезло
и твоим сыновьям.

Чтоб твёрдо и прямо,
ни капли сомнений не зная,
В юдоли земной, где с добром
перекрещено зло,
Однажды твои сыновья, об отце вспоминая,
Сказали, что с жизнью
и родиной им повезло.

* * *

Холодный взгляд.
Прощальный выстрел двери,
Забивший петель скрип. И дуют в щель
Сырой сквозняк предчувствия потери
И ветер состоявшихся потерь.

Всё, разговор окончен между нами.
Мы памятью о нём не дорожим.
И вот уже за разными дверями
Я говорю с другою, ты с другим.

Невнятным наваждениям в угоду,
Случайным, словно гром среди зимы,
Два пленника, сбежавших на свободу,
Недолго будем радоваться мы.

И, может статься, скоро ли, не скоро
Мы дверь друг другу сможем отворить
И к старому вернуться разговору,
Чтоб всё-таки его договорить.

* * *

Пока ещё горит звезда моя
и нам с тобой судьба не изменила,
люби меня, как я люблю тебя,
как прежде — помнишь? — ты меня любила.

Люби простор задумчивых полей,
лесной родник, что дал воды напиться,
и хлеб да соль на праздничном столе.
Им больше никогда не повториться.

Печалься, бейся, негодуй, скорби –
кто знает жизнь, за слабость не осудит,—
но время это горькое люби.
У нас другого времени не будет.

Пусть наше небо не покинет нас
и мать-земля от нас не отвернётся –
без страхов, без сомнений, без прикрас
люби всё то, что Родиной зовётся.

Люби, пока не можешь не любить,
люби, когда уже любить не можешь,
чтоб наше право и любить, и жить
мы жизнью этой заслужили всё же.

* * *

За бортом, за кормой всё пропало из виду,
Но судьба ни добра не забыла, ни зла,
Отдавая долги и прощая обиды,
Не жалея о том, как мне карта легла.

А легла она так, что и я не жалею
Ни о чём никогда. Ну, почти никогда.
Ну, бывает, жалею о том, что болею,
И о том, что уходят друзья навсегда.

И жалею людей, что душою чернеют,
Даже белыми днями не видя ни зги;
Что своих матерей сыновья не жалеют,
Что Россию безжалостно любят враги.

А ещё иногда я жалею немножко,
Что уже не схожу, как бывало, с ума,
Что когда мне весна открывает окошко,
Слишком быстро его закрывает зима.

Ну, а в целом, вопросов к судьбе не имею.
Всё нормально в душе, и в порядке дела.
Только жаль, что уже ни о чём не жалею.
Ну, почти ни о чём. Так мне карта легла.

* * *

Спокойный сердца стук и ровное дыханье –
Не в тягость никому случайной встречи миг,
Открывший нам, что я успел забыть названья,
Но не успел прочесть твоих любимых книг.

Я имена цветов в саду твоём не знаю,
Хоть видел их не раз и запахи вдыхал,
Когда их согревал лукавый ветер мая,
Когда их дождь хлестал, и холод обжигал.

Я думаю о них порой почти без грусти.
Уже давно гощу я не в твоём саду.
Меня к твоим цветам судьба уже не пустит
Ни в этом, ни в другом каком-нибудь году.

Теперь в душе моей живёт одно желанье:
Пускай твой сад цветёт и ждёт гостей иных,
Кому ниспослан дар запоминать названья
Твоих любимых книг и всех цветов твоих.

* * *

Земля качалась, ветер выл сердито,
Моргал фонарь с высокого крыльца.
Спасибо двери, дверь была открыта,
И я вошёл, и снег смахнул с лица.

На хуторе каком, на чьей-то даче,
На брошенной заимке, может быть, —
Не важно, где мы встретились, и, значит,
Про то неинтересно говорить.

Всё было бы, наверно, по-другому,
И, может быть, не здесь и не сейчас,
Но мы с тобою не дошли до дому,
А, может, дома не было у нас.

Чай с сахаром, а может быть, с малиной.
Густая тьма в зашторенном окне.
Тепло печи, а может быть, камина.
Огонь свечи, и тени на стене.

Буранило всю ночь, в сугробах свежих
Тонул январь, спасибо январю!
Я говорю, дороги непроезжи,
А снег идёт опять, я говорю.

Не торопись, не верь, не обещай мне.
Дождусь, переживу, перетерплю.
Я говорю, пусть ты пришла случайно,
Но ты не уходи, я говорю.

Я говорю, ты всё равно вернёшься,
Откинув штору, выглянешь в окно,
И, помолчав немного, улыбнёшься:
Смотри, зима закончилась давно!

* * *

Ни слуха. Ни привета.
Ни вести, ни письма.
Наяривало лето.
Буянила зима.

Шли как-то несерьёзно
Серьёзные дела.
Весна смывала слёзы,
А осень вновь лила.

Ждала душа прощенья,
Не видя ни вины,
Ни солнышка, ни тени,
Ни мира, ни войны.

Никто ни с кем не спорил,
Лишь грохотал прибой,
И рокотало море
За каменной грядой.

И снова у причала
Стихал девятый вал,
И всё опять молчало,
Но мир не наступал.

А жизнь текла без муки,
Не зная ни мечты,
Ни счастья и разлуки,
Ни встречи и беды.

* * *

Я бы вырастил самую круглую тыкву,
Я бы выстроил самый бревенчатый дом,
Самый тонкий узор сочинил бы и выткал,
И залил бурдюки самым крепким вином.

Только знаю уже, это сделают лучше
Мой сосед, что на даче всё лето корпел,
Старый плотник,
мой давний случайный попутчик,
Золотая швея и хмельной винодел.

Я о планах своих погрущу и забуду,
Загублю на корню голубую мечту.
Пусть друзья мои дальше творят своё чудо.
Я, храня их покой, постою на посту.

Я уйду в океан и, разлук не ругая,
О родимой земле свою песню спою,
И, однажды вернувшись, моя дорогая,
Сам тебя повстречаю и сам полюблю.

* * *

Как они в твоём сердце болят,
Как прекрасны они и беспечны,
Это небо и эта земля,
Эта жизнь — этот бег бесконечный!

Ты за временем быстрым бежишь
И однажды, споткнувшись устало,
Всех отставших поймёшь и простишь,
Но не свяжешь концы и начала.

Только лёгкая тень вдалеке,
Только жар безнадёжной погони,
Только капля дождя на щеке,
Только след от неё на ладони.

Всё трудней на бегу вспоминать
Обещанья, свиданья, прощанья.
Не обнять, не вернуть, не догнать...
Встречный ветер сбивает дыханье.

Листопад, снегопад, звездопад...
Дни летят, словно стрелы из лука.
Как они в твоём сердце болят,
Ожиданье, любовь и разлука!..

Снова лёгкая тень вдалеке,
Снова жар безнадёжной погони –
Только капля дождя на щеке,
Только след от неё на ладони...

* * *

Всё правда. Нет, не здесь, не там, не где-то
Ютятся и хранятся тьма и свет.
Я полон этой тьмой и этим светом,
У них других пристанищ в мире нет.

Всё правда. До обидного неловок,
Меж ловких непростительно смешон,
Не раз от них, не говоря ни слова,
Я уходил, но так и не ушёл.

Нет никакой причины для сомнений:
Себе, по крайней мере, я не врал,
Когда пред вами преклонял колени,
И верил вам, и руки целовал.

Я понимаю всё и принимаю,
Когда бы только свет во тьме не гас,
Ведь правда в том ещё, что я не знаю,
Свет или тьма соединила нас.

* * *

За миг один пройдут, но вечно будут сниться
Какой-то старый двор, какая-то весна,
Какие-то цветы, события и лица,
И парус и весло, и ветер и волна.

Покажется: пришла последняя разлука –
Ни с кем, нигде, никак уже не будет встреч.
Но не о том же речь,
что жизнь — смешная штука,
Всему один конец — но не об этом речь.

Подумаешь опять, что всё уже бывало,
Вчера ещё твоё — уже навек ничьё.
Но позовёшь друзей и всё начнёшь сначала,
И видишь — ничего не кончилось ещё!

* * *

Старушки берёзы согнулись над кручею:
Корявые ветви, в морщинах кора.
Под яром речушка с водою текучею,
Когда-то, я помню, чиста и быстра.

Мне кажется: тонкой какой-нибудь веткою
Берёзы готовы коснуться земли...
О ком, я не знаю, о чём, я не ведаю,
На старости лет загрустили они.

Быть может, о влажной листве ежевичника,
Укрывшего берег зелёным ковром,
О синей прохладе небесного ситчика
Над птичьим высоким и тёплым крылом.

А может, о доле речушки мелеющей,
Сомлевшей в объятьях пустых берегов,
О лете сухом, никого не жалеющем,
К которому с ними и я не готов.

Две старых берёзы над кручей качаются,
Шурша пожелтевшей до срока листвой,
С давнишней надеждою, что приближаются
И ветер, и туча, и дождь грозовой.

И, кажется, смотрят как будто прощающе,
Как отражаюсь в последней воде
Я, меченый атом среды окружающей,
Беспомощный сын этой самой среде.

* * *

За краем уснувшего леса,
За белой его тишиной,
В сугробы январские врезан,
Скрипит первопуток степной.

Задумчиво светлое утро.
Откуда-то издалека,
Холодным горя перламутром,
Недвижно летят облака.

Простор голубой серебрится,
И видно по свежим следам:
Вот здесь мышковала лисица,
Косые петляли вон там.

А дальше, в застывших извивах
Речных берегов и проток,
Порхал зимородок игриво,
Разбойно шнырял колонок.

А куст одинокой рябины
Обрызган остатком зари:
На ветках, устроившись чинно,
Краснеют вьюрки-снегири.

О Боже, как смертны и вечны
И снега примятого хруст,
И лес, и просёлок, и речка,
И тонкий рябиновый куст!

Не снится, а кажется — снится
При свете, сошедшем с небес,
Не сказка, а звери да птицы,
Просёлок, и речка, и лес...

* * *

В столпотворенье людей и машин,
В их нескончаемом душном круженье
Неистребимо движенье души —
За город, к морю и лесу движенье.

Экая невидаль — скрип в колесе!
Есть поважней для волнений причины.
Стелется чёрная лента шоссе
С лёгким шуршаньем под стёртые шины.

Руки привычно лежат на руле.
Разницы нету, с горы или в гору,
Лишь бы не виден был в заднем стекле
Наш астматичный, задымленный город.

Пусть хоть дожди, хоть снега полетят,
Холод собачий застанет на даче,
Лишь бы подольше, гремя и коптя,
Город родной впереди не маячил.

Едем, почти ни о чём не скорбя,
Едем, опасно уже разгоняясь,
То ли пытаясь бежать от себя,
То ли к себе возвратиться пытаясь...

Скоро мы будем опять за рулём,
Снова увидев в стекло ветровое
Город, в котором живём и умрём –
Город, который мы сами и строим.

1991

* * *

С сердечным жаром и остудой
Средь галактических систем
Кружащихся добра и худа
Ты счастья ждёшь и жаждешь чуда,
И любишь всех и нужен всем.

Но слышишь вдруг: вздыхают травы,
Скрипят снега, ветра трубят,
Что жизнь всего лишь переправа,
Где берег левый, берег правый
Сурово спорят за тебя.

И видишь: с радостью ли, грустью
Их отражения слились
В разливах вод, в теснинах узких
В реке, где от истока к устью
Им не сойтись, не разойтись.

И понимаешь: все потери,
Находки все — мечта и ложь,
И путь, как всем, тебе отмерен,
А чем одарит этот берег,
Ты на другой не заберёшь.

На этом берегу, у края,
Откроется твоей душе,
Что, грешная или святая,
Вот здесь она ещё живая,
А там бессмертная уже.

* * *

Когда опять не спится — понимаю.
Но не пойму — не пишется когда.
Ведь время потихоньку отнимает
Часы и дни, недели и года.

И не стоял бы мой вопрос так остро,
Но не один я вынужден признать,
Что жить и не писать, бывает, просто,
Да трудно будет жить и не писать.

Писать не обо всём, не как придётся,
Не денег ради и не власти для –
Писать, когда тревожно сердце бьётся,
Писать о том, о чём молчать нельзя.

Хоть пруд пруди, кто пишет для забавы –
Жизнь ею без того полным полна.
А тьма охочих до посмертной славы –
Зачем, кому потом нужна она?

Когда б мы песни честные сложили,
Когда бы нам пропеть их удалось,
Мы б рассказали не о том, как жили —
А почему нам лучше не жилось.

В романах наших фабула простая:
Война и мир, судьба родной страны...
А если их потом не прочитают,
За нами не останется вины.

* * *

Первый самый сорвётся со скал –
и следа не отыщешь в лавине.
Кто-то скажет — он в пропасть упал.
А другой — он стоял на вершине!

* * *

Бескраен мир, дороги все открыты,
Но ты зовёшь в недальние края,
Где мы с тобой уже почти забыты,
Душа моя, скиталица моя.

Земля родная с полем и рекою,
С поющим в майской роще соловьём
Свободно проживёт без нас с тобою,
Мы без неё никак не проживём.

Кому-то, видно, с нами стало тесно.
Нам некогда о том судить-рядить,
Пока хватает времени и места,
Чтоб жить и помнить, верить и любить.

Одно на всех пристанище земное,
У всех один от века — крестный — путь.
Его нельзя объехать стороною,
С него нельзя куда-нибудь свернуть.

Над нами будет солнце золотиться,
Пока под нами кружится Земля,
Но гений прав: покой нам только снится,
Душа моя, печальница моя.

На долю нашу выпало столетье,
Похожее на сумасшедший дом,
Но надо так прожить на этом свете,
Чтоб не стыдиться за себя на том.

Там всё, что было здесь, оценит строго
Один, всё понимающий, Судья.
Там нас с тобой ждёт вечная дорога,
Душа моя, заступница моя.

* * *

Здесь или здесь — нет повода гадать –
Земная пыль его подошв касалась.
Охрипла в небесах Святая рать,
И всё же до него не докричалась.

А сколько всяких — явно и впотай –
Старались, душу медленно тираня,
Зазвать его в какой угодно рай,
Лишь был бы он подальше от Рязани!..

Давным-давно вошёл он в этот дом,
И помнится: его хозяйке пел он,
Что полюбил кого-то в голубом,
Но не сумел забыть кого-то в белом.

Рябиновые горькие сады
Вдыхают ночь, прощально ветви выгнув.
Ты взглядом дотянулся до звезды,
Ни тайн её, ни света не постигнув.

Но повторится миллионы раз
Её неповторимое сиянье.
Вот он — русоволос, голубоглаз –
Проходит по Земле, как по Рязани!

ОВСЯНКА

Мы все — как все. Все лучшей доли ждём.
Все крутимся, как белки в колесе,
Томимся в зное, мокнем под дождём,
Идём куда-то и — уходим все.

Железный сон кладбищенских оград
Не растревожит первомайский дождь.
Но вдруг душа почует чей-то взгляд –
Такой прямой, что пробирает дрожь.

И ты расслышишь не теченье слов,
А голос, ниспадающий с высот.
Он с хладных енисейских берегов
К теплу и свету горнему зовёт.

Он над своей и над твоей судьбой
Хрипит от боли, стонет от стыда —
Измученный до смерти, но живой
И там, и здесь — сегодня и всегда...

Мы все — как все. Живём, пока живём,
Считаем звёзды, бродим по росе,
Молчим, да помним — каждый о своём.
И все уйдём. Останемся не все.

ЭТЮД

Закат горел над морем вполнакала,
Полсолнца закатив за горизонт,
На опустевших пляжах и причалах
Закончив отопительный сезон.

Прижались к суше скалы-истуканы,
Сбежала осень к придорожным рвам,
И разлетелись нехотя бакланы
По близким и далёким островам.

Вода текла, и коромысло гнулось,
И А и Б сидели на трубе,
И время так томительно тянулось,
Как будто позабыло о себе.

А мудрый ворон в роще полусонной,
Ссутулившись, глядел издалека,
Как зябко на ветру дрожали волны
И холодно дымились облака.

И с давней грустью думал ворон старый –
Ему узнать причину не дано:
Зачем остатки летнего загара
Художник собирал на полотно?

* * *

Нежданно сердце вспомнило слова,
Чьей глубины оно не понимало,
И музыка, уже почти мертва,
Вновь ожила, и песня зазвучала.

Она опять лилась издалека
У свай полузабытого причала,
Где тихим утром тихая река
На стрежне лодку медленно качала.

Мелодия, печальная слегка,
То на речном терялась повороте,
То чайкою неслась под облака,
Едва не пропадая на излёте.

Но в быстро наступавшей темноте
Являлась вдруг и на дрожащей ноте
Рвалась на безымянной высоте,
Где, может, вы когда-нибудь споёте.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

В каком-то разбитом предместье,
как будто спустившись с небес,
гармонь потревожила песней
окрестный простреленный лес.

И вдруг за осенним туманом,
за жёлтой летящей листвой
гармони басами баяна
ответил лесок фронтовой.

А старые хмурые ели
смотрели солдатские сны,
и сонно берёзы белели,
смертельно устав от войны.

Для этого времени года
была неплохая пора.
Бойцы из пехотного взвода
сидели кружком у костра.

Сидели и слушали молча,
и тихо один за другим
вступили, кто глуше, кто звонче
подпев запевалам своим.

Запели друзья боевые –
родня по судьбе огневой —
великой войны рядовые,
солдаты второй мировой.

Живые вернулись из боя
в объятья «Осеннего сна».
И слово-то в песне простое.
А песня — на все времена!

* * *

То в тени плакучей ивы
Льётся весело вода,
То в молчанье терпеливом
Ждёт тепла под коркой льда.

И мелка и говорлива,
И тиха и глубока,
Вдаль спешит без перерыва
Жизни быстрая река.

Сквозь заломы и заплоты,
Вольным берегом маня,
Унесла она кого-то,
А теперь несёт меня.

И всё дальше плыть охота
И узнать наверняка,
До какого поворота
Сохранит меня река.

Дни бегут, проходят ночи
Без особенных проблем.
Кто со мною плыть захочет –
Места в лодке хватит всем.

По волнам своим хорошим
Пусть несёт её река,
Между будущим и прошлым
Раздвигая берега...

* * *

Спокойно над нами растут облака и деревья,
Тревожно под ними ревёт перекатом река,
А жизнь, как река, что местами бывает,
поверь мне,
Опасно мелка и порой чересчур глубока.

Она и дорога твоя, и в дороге преграда,
И путь, и соблазн будто нехотя сбиться с пути.
Но, что бы там ни было,
плыть по ней всё-таки надо,
И где-то когда-нибудь надо её перейти.

И как бы какие бы волны тебя ни качали,
За этой рекою, за тем неприметным холмом
К далёкому берегу надо тихонько причалить
И больше уже никогда не жалеть о былом.

Поверь мне, хоть сам я, надеюсь,
не скоро узнаю:
Там все наши тайны и правды
предъявятся нам,
И кто был на стрежне реки,
кто барахтался с краю,
Кто нищ, кто богат, без утайки откроется там.

ГУСАРЫ

Виктору Верстакову

Насмешники судьбы превратной,
Герои ратной старины,
Какой любовью необъятной
Они в веках сохранены?

Какая дьявольская малость
От них, растаявших как дым,
Как раз настолько нам осталась,
Чтоб мы завидовали им?

Ах эти демоны-гусары!
Неотразимы и дерзки
Их сладкозвучные гитары,
Их неподкупные клинки.

Болят к дурной погоде раны,
И студят встречные ветра
Их расписные доломаны,
Их щегольские кивера.

Отечества большие дети!
Как будто сказочные сны,
Нам из грядущего столетья
Их судьбы краткие видны.

Навстречу славе или смерти
На самом острие атак –
Марш-марш! —
гусарский пляшет ментик
Галопу бешеному в такт...

БАЛЛАДА О МОЛЧАЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Деду Николаю Осипову,
пропавшему на войне.

Бойцы поют — и он запеть не против,
Да так, что подступает к горлу ком.
И всё-таки во всей стрелковой роте
Его считали первым молчуном.

А до войны... Случались незадачи!
Жена серчала — аж до горьких слёз.
Тряхнёт косой, лицо в ладони спрячет:
«Немтырь! Хотя б словечко произнёс...»

Чо тут поделашь? Батина порода.
Чо языком-то молотить зазря...
Он прожил с ней счастливейших полгода,
Ни разу про любовь не говоря.

Теперь дела иные — вся Европа
С ним повела сурьёзный разговор...
Он взял комок земли со дна окопа,
В руке шершавой медленно растёр.

Нахмурился... Хорошая землица.
Изрыта скрозь. А на полях — весна...
Быть может, он ещё разговорится,
Когда пройдёт треклятая война.

...Земля от взрыва близкого качнулась.
Комроты хрипло выкрикнул: «За мной!»
И рота поднялась, и развернулась,
И приняла порядок боевой.

Молчун винтовку вскинул самый первый
И выстрелил, и побежал вперёд –
Туда, к леску, где в судороге нервной
Забился чужестранный пулемёт.

И вдруг упал. Но в рост поднялся снова.
Гранату бросил. Пробовал бежать.
И вновь упал. И не сказал ни слова.
Но большего уже нельзя сказать.

1955. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Мама наварила каши
(манка, ешь её опять...)
и пошла до тёти Маши
малость денег подзанять.

Дядька Фёдор, к тёте Фросе
притулившийся мужик,
прибыл первым:
— Вот и гости!
Руку в руку мне:
— Держи!

И другие друг за другом —
вроде и никто не звал –
за столом расселись кругом,
как солдаты на привал.

Папка чуть задел по струнам –
балалайка трынь да брынь.
Я стою, прижавшись к стулу.
На дворе стоит теплынь.

Вон выходит кот учёный.
Балалайка трень да брень.

Что за трели, что за звоны —
только слушай целый день!

Заблестев медалью гордо,
севастопольский герой,
для начала дядька Фёдор
льёт по норме фронтовой.

А пришедший из-под Курска
с деревянною ногой
дед Степан, хрустя капусткой,
наливает по второй.

Пашка, бывший зам комвзвода,
холостяк по кличке Флирт,
то ли спирт добавил в воду,
то ли воду ахнул в спирт.

Трыньди-брынди, тренди-бренди —
инструмент разгон берёт.
Дядька вымерит по третьей.
Дед четвёртую плеснёт...

На дворе теплынь такая!
Солнце жарит. Ветер спит.
Кот, в тенёчке отдыхая,
на завалинке мурчит...

Нет на белом свете счастья.
Долго мама не идёт.
Папка струны рвёт на части.
Балалайка душу рвёт.

Так и этак, ух ты, ах ты,
ай люли, да разлюли!..
Вот бы к нам соседи завтра
С тётей Машей бы пришли...

* * *

Даже их имена я не знаю,
Но зачем-то опять и опять
Звёзды в стынущем небе считаю
И никак не могу сосчитать.

Этой хватит для вечного света,
А другая, сверкнув в высоте,
Упадёт на глазах моих в Лету –
Разойдутся круги по воде.

Оглядишься — картина простая:
Слева церковь, а справа погост...
Мне судьбу как букварик читает
Ночь в мерцанье задумчивых звёзд.

Он такой у меня бездорожный,
И былой, и оставшийся путь...
Всё другое на свете возможно –
В эту ночь невозможно уснуть.

Мать честная! Как сладко и горько
Пролетает сквозь нас, мимо нас
Миг, который закончился только
И который начнётся сейчас!

Он как будто нечаянно создан
Тьмой и лёгким ночным сквозняком.
Как далёки, как трепетны звёзды!
Как молчат неизвестно о ком!..

ОДИНОКИЙ

Мы в субботу топим баню.
Мне известно наперёд –
К нам в субботу дядя Ваня
Обязательно придёт.

Дядя Ваня очень странный:
Я не знаю, почему
Ни про что он даже спьяну
Не расскажет никому.

Мне, что он мужик нездешний,
Говорили пацаны,
Что прошёл сквозь ад кромешный,
А сюда пришёл с войны.

Что работник он исправный,
Резкий только сгоряча.
Что ещё совсем недавно
Чьи-то письма получал.

Что на фронте шибко ранен...
Что каких-то ждёт вестей...
Я спрошу у дяди Вани
Про жену и про детей...

Возле бани дядя Ваня
Мнёт махорочку в горсти.
Машет мне:
— Иди ты в баню!
А куда ещё идти?

1991-й

Виктору Ваганову

Июнь. 41-й. За медленным Бугом
ночной предвоенный сгущается мрак.
И тот, кто вчера ещё числился другом,
уже нам становится больше, чем враг.

Он сильный. Он разуму просто не внемлет.
И значит — исход для него предрешён...
Полвека прошло. И на русскую землю
как будто опять 41-й пришёл.

Отныне ни прежних трудов беззаветных,
ни подвигов прошлого больше не чтут.
И бывшие члены сдают партбилеты,
да что партбилеты — державу сдают!

Но курский крестьянин,
мужик неречистый,
писавший пред боем последним своим:
«Погибну —
считайте меня коммунистом!»,
теперь уж навеки останется им.

Россия! Вставая из праха и тлена,
ты вечно живёшь меж мечом и огнём —
меж чёрным огнём полоумной измены
и вражьим, тяжёлым от злобы, мечом.

Во все времена были люди и люди.
Отчизна, не слушай своих чужаков!
Солдатик твой павший давно неподсуден.
Иных нам сегодня хватает врагов.

2007. ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Вот хорошо бы, чтоб дед мой дожил
до Победы!
Он по привычке легко бы вставал по утрам,
завтракал рано и с внуками в полдень обедал
и о былом вечерами рассказывал нам.

Как бы беседы его волновали мне душу,
как бы на деда живого я прямо глядел,
как бы я каждое слово внимательно слушал,
как бы всё то, что услышал, запомнить хотел!

Кровно причастный
к наследственной доле и славе,
в тесном кругу за войну поредевшей родни
я до важнейших подробностей
мог бы представить
рельсы, причалы, дороги, привалы, бои;

жёлтую пыль на полях, сапогах и обмотках,
серую грязь на ногах — тяжелее свинца,
красной эмали звезду
на вспотевшей пилотке,
белой фанеры звезду над могилой бойца...

Дед бы мне права не дал хоть на миг усомниться
в чести солдатской и в правде великой страны,
в святости флага, в покое державной границы,
в том, что за нами ни в чём не осталось вины...

Вот хорошо бы... Но дед мой не вышел из боя.
Бабушка двух дочерей поднимала одна.
Разные люди совпали с горючей бедою –
так же, как в землях любых и во все времена.

О фронтовых негодяях, врунах и барыгах
дед не расскажет. Про них расповедают мне
те, кто историю заново делает в книгах,
кто сочиняет сегодня кино о войне.

Видно, свои и у тех, и у этих резоны,
а на чужой-то роток не накинешь платок.
Было: на запад суровые шли эшелоны.
Скорбные вести сегодня идут на восток.

Всё же в Эстонии, на Украине и в Польше
деда Девятого мая помянут друзья.
Прежде в Европе их было значительно больше.
Иначе ей не дожить бы до этого дня.

2014-й

Стих нейдёт, не слагается проза.
Знать, сегодня не шибко нужны...
Под окном зеленеет берёза,
Ну а клён не дожил до весны.

Не могло и прибредиться, чтобы
Вышло горе с любимцем моим.
Меж дворовых дерев двое-оба
Так срослись, что казались одним.

Оба-два из того ещё века,
Где меня только ждёт океан,
И на кручах днепровских беспека
Не тревожит уважних киян.

Там, не чуя грядущей пропажи,
Утопает в каштанах Подол,
А на флоте в одном экипаже
Ходят в море москаль и хохол.

И волнуется кроной кленовой
Тайный смысл ненаписанных строк –
Клён мой, беженец мой непутёвый,
Возле пня несмышлёный росток...

* * *

Беспутье. Бездолье. Забвенье.
Свет памяти нашей угас.
Родные великие тени,
И те отвернулись от нас.

Кобзарь на излуке аральской
О вольной семье не поёт.
Идя на Памир, Пржевальский
В ОВИР документы сдаёт.

И Гоголь с улыбкою странной
Ложится в раскопанный склеп.
И царский мундир Валиханов
Швыряет в кайсацкую степь.

Аулами стали станицы.
По землям, державным допрежь,
Славутич течёт в загранице,
Яик убежал за рубеж.

О, Красное Солнышко, где ты?
За тем ли, вольны и дружны,
Мы были в заветное лето
Тобою к Днепру сведены?

Как долго в молчанье невольном
Славянские церкви стоят,
И ждут звонарей колокольни,
Готовы ударить в набат.

* * *

Друг мой, брат мой!
Ты вспомни, как нам былось,
Какая память осталась навеки с нами.
Не руби с плеча,
не разваливай вкривь и вкось,
Не говори горячими чужими словами.

Нет и не будет у братьев братьев других.
Если это кому не даёт покоя,
Ты их люби, береги, но не слушай их
И до конца, пожалуйста, будь собою.

Мир переменчив. Он столько таит ещё
Встреч на дорогах,
засад на глухих дорожках.
Кто, если надо, подставит брату плечо?
Кто, будет можно, подставит ему подножку?

Что бы сказали сегодня отец и мать?
Так молчаливы над ними кресты и звёзды...
Жизнь такова: есть у каждого, что прощать.
Было б — кому. Да ещё бы не стало поздно.

* * *

Так, без причины, припомнил нечаянно:
Детство. Изба. За окошком буран.
Песню какую-то очень печальную
Пел мой отец под соседский баян.

Хмурый хозяин баяна трофейного
Был без ноги и почти безголос.
Помню глаза, словно зёрна кофейные,
Ёршик уже поседевших волос.

Помню: сосед обнимается с батею,
На пол поставив трофей фронтовой.
«Ногу... на мине пехотной... в Прибалтике.
Главное дело — остался живой!»

Помню, как оба, уже осовелые,
Долго, не чокаясь, пили вино,
Пели «Землянку», «Метель эта белая...»
И, замолкая, глядели в окно.

Помню: качалось за стёклами деревце.
Помню: качнувшись, сосед прохрипел:
«Мать... и жену... топорами... бандеровцы...»
Больше никто в этот вечер не пел.

* * *

Скоро забудут, запишут ли в святцы –
Не отменить ни того, ни другого.
Нечего, некого в жизни бояться –
Только худого поступка и слова,
Только беды, что до сердца родного
Не достучаться, не докричаться...

* * *

Что ни делай, как душу ни мучай,
Но взгляни на родимый погост,
И встаёт роковой, неминучий,
Как дитя беззащитный вопрос.

Кто в нас принял такое участье,
Оценив и грехи, и труды,
Что на толику русского счастья
Выпадает так много беды?

* * *

Я становлюсь свободней год от года
И ежедневно праздную успех
Такой всепобеждающей свободы,
Что наконец-то победила всех.

Пусть на свободный рынок днём погожим
Меня свободно выгонит жена –
Вернусь, свободен от тяжёлой ноши,
Рад, что на всё — свободная цена.

Пусть тяжек труд у моря ждать погоду –
Могу не ждать, когда не захочу.
Пусть в море глубоко и нету броду,
Зато теперь я сам его ищу.

Мне так легко бежать и прыгать в воду,
Когда могу не прыгать, не бежать;
Легко дышать мне воздухом свободы,
Когда имею право не дышать.

Печать свободы на знакомых лицах —
И мир уже становится другим,
И кажется: свободные, как птицы,
Мы все свободно в небо улетим.

И чудится: мы все друг другу снимся,
К примеру, мы свободно спим в аду,
И мне свободно говорят: «Подвинься!»,
И я свободно к выходу иду...

* * *

Сказ не длинный, не короткий:
Проживает, говорят,
В нашем славном околотке
Выдающийся солдат.

Он своей солдатской даме
Подарил противогаз
И в тревожном чемодане
Продовольственный запас.

Он и сам с противогазом,
Но, медалями звеня,
Не стоял в строю ни разу,
Не держал в руке копья.

Да в одном приличном месте
Из солдата вышел толк –
Про него на марше песни
Распевает энский полк.

Мол, солдат, и с фронта бравый,
С тыла так зело хорош,
Что ни слева и ни справа
Ты его не обойдёшь.

Мол, без счёта у солдата
Героических побед,
И с того у супостатов
Он вошёл в авторитет.

Он из сил своих последних
Околоток защищал
И солдатом был намедни,
А теперь он генерал.

И — отставить разговоры! –
Он уже решил давно
Смело в бой пойти с «Авророй»
И пустить её на дно.

...Генералы задолбали –
Генералы прут вперёд:
Раньше храмы разрушали –
Кораблям пришёл черёд...

* * *

Что ж, совести разменная монета
Не чинит жирным кошелькам помех.
Свобода есть, да как-то денег нету.
Вернее, есть, но очень не у всех.

Схватившие удачу «россияне»,
Не прячьте деньги в лондонский туман!
Мы не считаем их в чужом кармане.
Но как они попали к вам в карман?

Борцы за счастье глупого народа,
Вам от народа пламенный привет!
Большое вам спасибо за свободу –
Ту, от которой нам спасенья нет.

Успешные! Вожди, умищи, глыбы!
Склонившись, скажем вам как на духу:
Великие! За правду вам спасибо –
Теперь мы точно знаем, Who is Who.

Копите, поднимайтесь, процветайте,
Гребите шибче к райским берегам,
Но не на нас, а на себя пеняйте,
Когда платить придётся по счетам.

* * *

С терновым ли страдательным венцом,
С лавровым ли венком бредёшь по свету,
Но если ветер не хлестал в лицо,
Едва ли ты оценишь силу ветра.

Всё знать нельзя, и знающий молчит,
А жарко спорит тот, кто мало знает.
Спор истины простой не прояснит,
Когда её никто не понимает.

Я никого никак не укорю,
Что шёл, бывало, не туда, где вышел.
Я говорю не то, что говорю,
А то, что собеседник вдруг услышал.

Заранее на всём лежит печать,
Всё мечено давно тавром железным,
И так об этом хочется кричать,
Но крики и смешны, и бесполезны.

Такую кашу можно заварить
Словами, подавившись этой кашей!
Тут лучше будет власть употребить,
Да штука в том, что власть у нас не наша.

Как долго нам придётся с этим жить,
Кто знает? Но не всё навек пропало.
Жизнь может нашу жизнь переменить,
Что на земле уже не раз бывало.

* * *

Твой бывший друг давно тебе не пишет,
И ты наивно думаешь, что он
Бьёт уток, иль к зиме латает крышу,
Иль ждёт, когда поставят телефон.

А бывший друг, на целый свет в обиде,
Страдающий почти от смертных мук,
Тебя неизлечимо ненавидит,
Как ненавидит только бывший друг.

И без толку уже искать причину
Всего того, чему причины нет,
Коль не считать, как удручён мужчина,
Не подстреливший утку на обед.

И что ему твои дела-заботы
И прочее твоё житьё-бытьё,
Когда приспело обвинить кого-то,
Что подвело любимое ружьё?

Друг настоящий бывшим стать не может.
Ты от ошибок новых тем храним,
Что время убедительно итожит,
Кто другом был, а кто казался им.

* * *

Чьи свет и тень, приход или уход
Так неотступно властвуют над нами,
Какой необратимый поворот
Грядущими загадан временами,
Откуда радость по утрам встаёт,
Куда беда кочует вечерами?..

Нам столько незаслуженно дано
Земли и неба, вёдра и ненастья!
И жаловаться было бы грешно
На мир, где мы такой болели страстью,
Что вечно жить казалось счастьем, но
Ничуть не хуже — умереть от счастья.

А мы ещё маленько поживём
И пожуём солёную горбушку.
Сегодня ясно, завтра снег с дождём,
А послезавтра — выход рыб на сушу.
Пусть будет шторм, мы солнца подождём.
Пусть ветер стихнет — будем чаек слушать.

А чайки, закачавшись на волне,
Умолкнут или улетят далёко, —
Обнимемся в недолгой тишине,

Не зная окончательного срока
До встречи в неизбежной стороне,
Где нам уже не будет одиноко.

И стрелками невидимых часов,
То расходясь, то приближаясь снова,
Закрутятся привычно явь и сон,
Морская даль, тепло родного крова,
И шар земной вселенским колесом
Покатится, не зная остановок.

СЫНОВЬЯМ

Теперь-то я узнал, как было пусто
На свете жить без вас, сыны мои,
Иван да Николай, два солнца русых,
Два счастья долгожданных, две любви.

Вы в мир пришли безжалостный.
И — нежный.
В нём ум тиранят зависть, зло и лесть.
В нём носит ложь красивые одежды.
Но слава Богу
в нём и правда есть.

В нём люди есть —
мёд пить бы их устами,
Вкушать, как хлеб, их праведную речь.
Но даждь нам днесь,
пока мы можем сами
Родную почву рыхлить и стеречь.

Пред ней склоняясь, за неё радея,
Мне повезло на белом свете жить
И верить: всё, чего я не успею,
Вы за меня успеете свершить.

Пусть далеко, подобно быстрым птицам,
Летят нетерпеливые мечты, —
Сынки, не надо сильно суетиться:
Кругом и так довольно суеты.

Послушайте, как слушал я когда-то,
О чём в ночи соловушка поёт,
Иван да Николай, два русских брата,
Сыны мои, бессмертие моё.

БАЛЛАДА О БЕДАХ И РАДОСТЯХ

Случится, что радость далече,
А горе — у самых ворот.
Да, время, наверное, лечит,
Но, кажется, долго идёт.

Расстанемся с братом и сыном,
Беспомощных слёз не пролив;
С соседом и другом старинным
Простимся, обид не простив.

Простимся, но рядом и вместе
Сойдёмся под смертным огнём,
А, выжив, забытую песню
Опять после боя споём.

За Припять отхлынем, на Волгу,
Но отчей земли не сдадим,
И празднично пушки умолкнут,
Когда мы врага победим.

Да, время, конечно же, лечит,
Когда, свои беды храня,
Друг боль твою примет на плечи,
И хлебом накормит земля.

Когда непроглядные тучи
Отступят с заветных высот,
И всё, что нас ранит и мучит,
Прозрачной водой унесёт.

И места не будет обиде,
И даль распахнётся, чиста,
И мы как впервые увидим,
Какая кругом лепота!

Какие красивые люди!
Какая вокруг благодать!..
И мы свои беды забудем.
И беды вернутся опять.

* * *

Оно живое, никуда не деться.
А в мире этом, где всего полно,
Возможно, есть и каменное сердце,
Да ведь оно и камню не нужно.

А это, как положено, живое –
Наверное, безумное слегка,
Горячее, наивное, шальное
И, значит, далеко не без греха.

Оно, любя, так больно ушибалось
И от измен ходило ходуном,
Так, ненавидя, горько ошибалось,
Такою мукой мучилось потом!

Удар жестокий, страшная пропажа,
Мирское зло, как тьма в глухой ночи –
Оно и слова ни о чём не скажет,
А навсегда скорее замолчит.

От радости сомлев, зайдясь в обиде,
Оно стучит — за что его винить?
Кляни, не приневолишь ненавидеть.
Убей, но не заставишь не любить.

* * *

Неотвратимы внезапные смены
Видов и взглядов, времён и мгновений.
Неустранимы погод перемены
И перепады моих настроений.

Чайки, бакланы — как будто в дозоре –
Ходят кругами то ниже, то выше.
Медленно солнце крадётся за море.
Медленный ветер прерывисто дышит.

Туча на небе. Одна. Не тревожит.
Чайки с бакланами медленно кружат –
Знать, ни о чём не волнуются тоже.
Мне-то оно и подавно не нужно.

Медленно волны бегут по заливу.
Медленно на воду падают птицы.
Только гляжу я на них торопливо.
А разобраться — куда ж торопиться?

ЧЕТВЁРТОЕ КУПЕ

Рельсы прогибались под вагоном,
Время лбом таранил тепловоз,
И пустой стакан певучим звоном
Отвечал на перестук колёс.

Не спалось в дороге спозаранку,
А сосед мой взапуски храпел.
На ночном безвестном полустанке
Ты вошла в четвёртое купе.

Непослушных взглядов вероломство,
Грустных глаз зовущие огни...
Милые вагонные знакомства,
Как непрочны в памяти они!

Девочка, попутчик твой нечаянный,
Я с тобой гляжу в одно окно.
Я не знаю, чьей ты будешь тайной.
Жаль, моею быть не суждено.

Счастьем или временной утехой
Станешь ты в неведомом краю?
Жаль, что я давным-давно проехал
Будущую станцию твою.

Я не знаю, что стряслось с тобою,
Что со мною сталось, не пойму –
Почему так жалко нас обоих,
Ночь и поезд, мчащийся во тьму?

* * *

Теперь не та писательская слава,
Да, в общем, и писатели не те.
Ну, а народ как будто пьёт отраву
И словно пребывает в слепоте.

С того, видать, что мозг его и сердце
Устали в изнурительной борьбе,
Ему не просто всё давно до дверцы,
Он стал уже до дверцы сам себе.

Кто жив едва, кто выглядит шикарно:
Бухгалтеры, политики, бичи,
Футбольный форвард, клоун популярный,
Ворюги и другие богачи.

А на душе ужасно неуютно
И горестно от этого всего,
Как будто я среди чужих, как будто
Я сам — не сын народа своего.

И вот обязан — кстати ли, не кстати –
Остаться тем хоть сам себе в пример,
Что не богач и не большой писатель,
А просто честный русский офицер.

* * *

Ах, вечная жизнь, ты не знаешь покоя,
Которым уставшей душе дорога.
Спасибо за то, что махнула рукою,
Позволив причалить к твоим берегам.

Мой трепетный сон — после вахты моряцкой
По колкой траве пробежать босиком,
Но ты не смотри, что сегодня я в штатском –
Я был и останусь твоим моряком.

Со мной твоё море, и небо, и поле –
До края, до звёзд, до последней версты;
Вина и расплата, неволя и воля,
На русских погостах родные кресты.

И жаль и не жаль, что гадать мне недолго,
Клубит за курганом туман или дым,
И что там, за дальним забытым просёлком,
И здесь, за недальним причалом моим.

Ах, вечная жизнь, разговор наш короткий:
Тебе продолжаться, а мне суждено
Однажды уйти, как подводная лодка
В режиме молчанья уходит на дно.

И жаль и не жаль мне, что я не расслышу,
Но знаю, что будет в дали голубой,
Как колокол вечный, то громче, то тише
Гудеть у заветного пирса прибой.

И жаль и не жаль, что всему свои сроки,
Для всех по морям, по полям и лесам
Свои маяки, родники и дороги,
А звёзды одни и одни небеса.

* * *

Насупленный продрогший вечер.
Октябрь. Москва. Нескучный сад.
Недолгой будет наша встреча,
Но я и этой встрече рад.

Нескучный сад, под ветром свежим
Дыша последнею листвой,
Вчера зелёную одежду
Сменил одеждой золотой.

Ну что тут скажешь? Время лечит –
Часы бегут, а дни летят.
И я шепчу: зима не вечна,
Зима пройдёт, Нескучный сад.

Она пройдёт, как всё проходит
То медленнее, то быстрей,
Как люди, что сегодня бродят
По сумраку твоих аллей.

Как этою порой осенней
Проходят травы и цветы,
Как звуки, запахи и тени,
Которых не запомнишь ты.

Не спеть ни музыке, ни слову
Мелодию твоих ветвей,
А день печальный с днём весёлым
Живут и умирают в ней.

В движенье их, в прощальном гуде,
Пред будущим не виноват,
За то, что ты меня забудешь,
Прости меня, Нескучный сад.

* * *

Не я своё сокровище храню –
Оно меня хранит без всяких яких,
Особенно, когда в чужом краю
Вдруг ненароком заблужусь во мраке.

Особенно, когда нигде не ждут,
И даже братья перестанут верить,
Что я домой когда-нибудь приду
И снова постучу в родные двери.

Последнее пристанище моё,
Мой свет полночный, голубь мой почтовый,
Заветный голос, что вперёд зовёт,
Мой честный друг, учитель мой суровый,—

Она со мной и плачет, и поёт,
С ней ангел мой становится сильнее,
И все пути-дороги — у неё,
Надежда, и любовь, и вера — с нею.

И пусть у нас не будет ни гроша,
В безвыходной вселенской круговерти
Ещё, пока болит, жива душа.
А коль жива — она не знает смерти.

* * *

Руки твои прикасались ко мне
в тонком изгибе.
Я с той поры был уверен вполне:
мир не погибнет!

Сердце ль вело, эти руки любя,
в нежную смуту?
Ты говоришь, я забуду тебя.
Нет, не забуду.

Руки твои прикасались ко мне.
Я это помню.
Знать, потому и живу, как во сне,
памятью полный.

И не впервые на росстани мы,
ох, не впервые...
Свет оживает, пробившись из тьмы.
Мы-то — живые...

Руки твои прикасались ко мне –
боль остывала.
И не по нашей, конечно, вине
сердце устало.

Ждёт целый мир, как пустыня дождя,
вечного чуда...
Ты говоришь, я забуду тебя.
Я не забуду!

Даже когда, не простившись, уйду
в дали, откуда
больше вовек твоих рук не найду,
но — не забуду.

* * *

Я, не постигший тайны мирозданья,
Причастный только к таинству любви,
Дурные не храню воспоминанья,
Но посещаю храмы на крови.

И с каждым днём всё явственнее вижу
Среди людей, которым руку жал,
И тех, кто незаслуженно обижен,
И тех, кто без причины обижал.

Все были одинаково до срока
Достойными товарищеских уз.
Мне и сейчас меж них не одиноко,
Я и теперь судить их не берусь.

И потому, что сам премного грешен,
Что, прав в одном, в другом бывал не прав,
Но больше потому, что так поспешно
Уходит жизнь, все мелочи поправ.

И перед этой правдой всеохватной
Иные правды меркнут, и уже
То, что казалось злом невероятным,
Не вызывает паники в душе.

Мы на земле совсем недолго жили!
И остаётся время, может быть,
Ещё успеть грехи простить чужие,
Своих не успевая замолить.

* * *

Я знаю, что умру.
А кто не знает?
Вон та сосна в бору,
И ёлка с краю.
И тот далёкий плёс,
И этот камень,
Береговой откос,
И даже пламя
Погасшего костра
Над быстрой речкой...

Они сгорят, дрова.
Но пламя — вечно.

* * *

Отставьте диагнозы, приговоры,
пророчества.
Жизнь — мимолётная тяжесть
на тоненьком волоске.
Дайте, пожалуйста,
сердцу сосредоточиться,
Я дальше хочу пойти не то чтобы налегке,
Не как-то, не как-нибудь
и не как получится,
А так, как всегда ходить по земле хотел,
И пусть, сколько сможет,
сердце ещё помучится,
Других у него и нет, и не будет дел.

Новосибирск.
Клиника им. Мешалкина.

* * *

Пока смеюсь я над собою
И хлебу радуюсь пока,
И надо мной бегут гурьбою
За облаками облака;

Пока могу без всяких ради
Любить, и верить, и прощать,
Всё можно как-нибудь уладить
И даже заново начать.

Пусть для души моей и тела
То, что хотелось и моглось,
Не так сложилось, как хотелось,
Не так кроилось, как срослось.

И пусть не нравится кому-то,
Что мир ужасен тем и тем,
А дурень счастлив почему-то
Чему-то малому совсем.

ПРЕДВЕЧЕРНЕЕ

В сугробах погребённые ограды,
Застывшие над крышами дымы,
Заснеженных окраин палисады
Так бесприютны в сумерках зимы!

Не время предаваться светлым грёзам,
Не место избавляться от тоски.
Вот-вот стемнеет,
вспыхнут в небе звёзды,
Но будут недоступно далеки.

А снег скрипит, уже предощущая
Судьбы неотвратимый поворот:
Наступит день, и шумными ручьями
Он сам себе прощанье пропоёт.

Дорога всё накатанней, всё глаже.
А снег скрипит. И вновь душа твердит
Про самые унылые пейзажи:
— Смотри, какой неповторимый вид!

* * *

Нести пустячный вздор,
В набат вселенский бить...
Есть долгий разговор,
Да не с кем говорить.

Есть, от кого терпеть
За то, что нечем крыть,
И есть, о чём жалеть,
Но некого винить.

Беда на всех одна,
Одна на целый свет
Всеобщая вина,
А виноватых нет.

Молчание кляня
Молчанием своим,
Родные и друзья,
И мы с тобой молчим.

Молчим о том, о сём,
О сложном и простом,
О чьём-то и своём –
О нашем и чужом.

И, главное, о том
Безжалостно молчим,
Что всё переживём,
Когда заговорим.

* * *

Пишу не так и не о том пишу.
Диктует время разные сюжеты.
Так вешний лёд несёт по Иртышу
Меж берегов, в сплошной туман одетых.

Так обречённо падает звезда,
Устав светить в пространстве равнодушном,
И преет непроточная вода,
И зной палящий землю в камень сушит.

Так тёмный тектонический разлом
Вздымает к небу толщу океана,
Так исподволь беда приходит в дом,
И ноет незалеченная рана.

Так странный сон, покой ночной губя,
Мешает в голове слова и числа,
Так целый мир пустеет без тебя,
И жизнь идёт, не обретая смысла.

Да, всё не так и снова не о том.
Но, красивее и значеньем выше,
Свои стихи о чём-нибудь другом
Пусть по-другому кто-нибудь напишет.

Заложники неведомых судеб,
Мы все однажды добредём до края.
Вот — сдобный каравай,
вот — чёрствый хлеб.
Так вышло, что не мы их выбираем.

А сомкнутым в молчании устам
Подлунный мир ничем неинтересен,
Когда он не подсказывает нам
Слова почти забытых нами песен.

* * *

Не всё тщета и суета.
Есть мудрость, мысль, расчёт,
Надёжность, точность, красота
И что-нибудь ещё.

Не все на свете дураки.
Есть те, кто просвещён,
Мечтатели и чудаки
И кое-кто ещё.

Не сплошь — дурёж и чепуха.
Есть мягкость тёплых щёк
И взгляд, смущающий слегка,
И кое-что ещё...

ТРАМВАЙ ЖЕЛАНИЙ

Пить по субботам скуки ради
Цейлонский чай «Принцесса Канди»,
А в выходной — предел желаний! —
Под пиво греться в финской бане.
По понедельникам тереться
В трамвае с кем-то грудь о грудь,
О бок — локтём, спиной — о сердце
И чем-нибудь о что-нибудь.
Во вторник в даме при наряде
Вдруг разглядеть Марину Влади
И в среду вот на эту «Влади»
Глядеть то спереди, то сзади.
И, никуда не успевая,
В четверг весь день прождать трамвая.
А в пятницу пришить кармашек
И пуговицы на плаще
И тут узнать: в деревне нашей
Трамвай не ходит вообще.

* * *

Всему ли найдёшь оправданье?
Тревожат и слух, и глаза
Не наше, но всё же рыданье,
Чужая, но тоже слеза.

И небо молить бесполезно:
Повсюду, куда ни гляди,
Дверей и решёток железных –
Не выйти душе, не войти.

Железные челюсти сжаты.
Железные локти торчат.
Железно трещат автоматы.
Железно заборы стоят.

Сминает и глушит Россию
Железо безвременных лет...
У нас ничего не спросили.
А мы промолчали в ответ.

И старых утрат не жалеет,
И к новым душа не лежит...
Свою-то беду одолеем.
Державную как пережить?

* * *

В белый свет не успеешь вглядеться
И навеки забудешь покой.
Плачь и смейся, разбитое сердце,
Над своей и чужою судьбой!

Жизнь когда-нибудь всё подытожит,
Но, во многом смирившийся с ней,
Не поймёшь, почему ей дороже
То, что нам тяжелей и больней.

Почему наши жёны и дети
Пропадают за ломаный грош?
Нет умней и красивей на свете,
И несчастней нигде не найдёшь.

Почему так нечестно удача
Отвернулась от честных людей?
Не отыщешь народа богаче
И беднее не встретишь нигде.

Почему так безрадостно тёмен
День, с трудом уползающий прочь,
Так темно, так не прибрано в доме,
Так длинна подступившая ночь?

Много нас, задающих вопросы.
Горе нам — отвечающих нет.
Далеко русских ангелов носит,
Стерегущих спасительный свет...

* * *

Оглянись, закайся, застыдись,
Послужи, как можешь, Мельпомене.
Жизнь проходит — остаётся жизнь,
Мизансцен в которой не изменишь.

Не сорвёшь расклеенных афиш,
Не отменишь принятых решений,
Сыгранных ролей не повторишь,
Не вернёшь счастливых озарений.

Не переиграешь сцен былых,
Неудачных пьес не перепишешь,
Не запомнишь не прочтённый стих,
Песен позабытых не услышишь.

Что сбылось, и всё, что не сбылось,
Не развяжешь больше и не свяжешь.
Но, быть может, как тебе жилось,
Ты всю правду как-нибудь расскажешь.

Не на сцене, не в романе, но
Той душе, единственной на свете,
О которой ты мечтал давно
И однажды, может статься, встретил.

* * *

Слабеет тело, в чём признаться вслух
Уже не трудно — просто бесполезно.
И остаётся волею железной
День ото дня крепить здоровый дух;
Петь о весне, когда в окошке осень,
Вставать, идти к тому, кто встречи ждёт,
Но в гости пригласить давно не просит,
Да и к себе, как раньше, не зовёт.

Что ж, не ходи. Он сам к тебе придёт.

Слабеет тело. Ну и что с того,
Коль днём и ночью дома не сидится,
И третий раз сосед решил жениться
И, видно, пригласит на торжество,
Поскольку распри между вами нет,
И ты уже уверился сполна:
Тебе гостеприимный твой сосед
На вечные достался времена.

Когда б ещё и новая жена...

Слабеет тело, но ещё душа
С бесспорным фактом не спешит смириться

И радость приглашает в очевидцы
Грядущих дней, былое вороша
И сладко греясь памятью о счастье,
Имевшем место быть давным-давно
И тихо упорхнувшим в одночасье,
Как, видимо, и было суждено.

Что тут сказать? Слабеет тело. Но...

* * *

Рассчитаны судьбою поминутно,
Подробно: вдох и выдох, свет и тень.
Лучится предначертанное утро.
Заря сгорает. Вспыхивает день.

Шаг времени и лёгок, и беспечен.
Летящий миг собой не дорожит.
Исходит день. Темнеет ликом вечер.
Ночь бледный сон заката сторожит.

Из вечной мглы холодный светит пламень,
Загадочно мерцая в тишине.
И звёзды меркнут. И восходит память
О длинной ночи и коротком дне.

И неприступной остаётся тайна:
Куда же всё, что чаялось вдали,
Что не свершилось, что сбылось случайно,
Нечаянные ветры унесли?

Но сердцем, дотерпевшим до рассвета,
Однажды счастье разглядишь своё
В том, что давно взволнован тайной этой,
И завтра вновь разгадывать её.

* * *

Почтеньем не заласканный ничьим,
Отмечен разве возрастом почтенным,
С рожденья, где бы ни был, я храним
Одним фамильным ангелом бессменным.

Привычно в биографии моей
В конце, и в середине, и в начале
За перечнем неосторожных дней
Идёт абзац с тревожными ночами.

Там есть и вой турбин, и взрывов гул,
И ледяной поток, где нету броду.
Есть сноска: не сгорел, не утонул,
Сто раз преодолев огонь и воду.

В руке своей кастета не держа,
Я видел блеск его разбойной ночкой
И не ходил по лезвию ножа,
Но был на сантиметр от заточки.

Я не забуду до скончанья дней
Ни крик души, ни фигу из кармана,
Не обделённый верностью друзей,
Не избежав предательств и обмана.

Я рассказать могу, как стынет кровь,
Как замирает сердце от бессилья...
Но ангел — здесь. Его зовут — любовь.
Любовь к земле по имени Россия.

* * *

Моё собранье сочинений –
не сто томов стихов и прозы
партийных или беспартийных
(собранья нет и — нет вопросов),
хотя скажу без сожалений:
я в партию вступил матросом.

Моё собранье сочинений —
эсминец, парочка подлодок;
друзья, с кем без горячих прений
насчёт опасностей и целей,
но с песнями, что мы успели
в часы, свободные от вахты,
пропеть неповторимым хором,—
кто знает, чем разлука пахнет,
и пахнут море, соль и порох.

Моё собранье сочинений –
счастливых встреч короткий список,
эссе несбывшихся стремлений,
роман о тех, кто сердцу близок,
который в прошлом веке начат,
с прологом горестных прозрений.

Моё собрание — котомка
со свитком пройденной дороги,
где весь сюжет раскручен, только
не всё понятно в эпилоге.

* * *

Глупый вопрос:
зачем переживать о том,
что от тебя не зависит?
Глупый вопрос и занятие глупое.

А то, за что отвечаешь ты,
вообще никого не должно беспокоить:
ты всё делаешь правильно.

Но почему
вся жизнь —
одно непрерывное,
бесконечное,
всеобщее
переживание?

БОГИ

Они живут на небе неспроста:
Чтоб дальше видеть, надо быть повыше.
Но там они твоих молитв не слышат:
Похоже, оглушает высота.

Целителен для них земной приют.
И, оставляя звёздные чертоги,
Пусть по-людски на землю сходят боги
Или — богами быть перестают.

* * *

В пруду, зарастающем ряской
В заброшенном тихом саду,
Пытаюсь, покоем обласкан,
Ловить карасей на уду.

По лесу с пустой одностволкой
Брожу без особых затей
Вдали от шоссе и просёлков,
Людей и дурных новостей.

Печалюсь: весна пролетела.
Ликую: вернулись грачи!
Смотрю: за окном потемнело,
И свет зажигаю в ночи.

Читаю старинную книгу.
Любимую песню пою.
И радуюсь каждому мигу.
И доброе слово ловлю.

И знаю: до крайнего срока,
До самой последней межи
Трястись мне по русским дорогам,
И плакать, и всё-таки жить.

* * *

Казалось, эта боль не навсегда,
Вот-вот всё образуется, казалось,
Но за ворота шла одна беда,
Другая у ворот уже топталась.

Знать, ширь твоя, родная сторона,
Твоё необозримье вековое
И свет, которым ты озарена,
Кому-то вечно не дают покоя.

Они опять приходят, и опять
Вольны жалеть о том, что приходили,
Поскольку их встречать и провожать
Они тебя неплохо научили.

И с этим надо будет дальше жить.
Они всегда толпятся у порога,
Успев былые встречи позабыть.
Но ты об этом помни ради Бога.

ЧИТАЯ ТВАРДОВСКОГО

Но всё, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору!
По праву памяти
Александр ТВАРДОВСКИЙ

Ух, эти суды-пересуды
О том, что жили мы в аду!
Но, прошлое держа под спудом,
Мы и с грядущим не в ладу.

И, заблудившись в настоящем,
Глумясь в умах, мутясь в сердцах,
Мы снова прошлое обрящем
В его не лучших образцах.

Но, может быть, назло чубайсам,
Мы прямо скажем, наконец,
Что и советский, и китайский
Не самый худший образец.

Паденьям нашим, и провалам,
И гнёту вековых кручин
Всегда отыщется немало
Больших и маленьких причин.

Тут есть несовпаденье мнений,
Есть заблужденья дураков,
Есть грех неправых осуждений,
Он тяжелей других грехов.

А меж чужими и своими
Всё на виду и на слуху,
И каждый грех имеет имя,
И видеть можно Who is Who.

И не судить судом поспешным,
Но помнить до скончанья лет,
Что нет на свете душ безгрешных,
Святых и праведников нет.

А жизнь такая и сякая
И сто, и тыщу лет назад,
И кроме нас никто не знает,
Кто в этом прав и виноват.

Нам столько гозманы наврали!
Пора сказать без дураков,
Что с нами Ленин был и Сталин,
Но также мехлис и ежов.

(Мой критик добрый, мой учитель,
Верь, что у будущих времён
Нет букв заглавных в алфавите
Для нарицательных имён.)

В миру любая роль банальна,
Здесь были все, здесь было всё.
История всегда тотальна,
И мы в полоне у неё.

Корить ли в этом кровь живую,
И чьей определить виной,
Что объективно существует
Субъективизм и твой, и мой.

Бесстрастна смена поколений,
Мировоззрений и систем,
Но мы борьбою личных мнений
Себя запутали совсем.

Становятся с годами резче
Видны страдалец и герой,
И дезертир, и перебежчик,
И генерал, и рядовой.

Перед врагами и друзьями
Им всем, кто мёртвый и живой,
Ответ держать не перед нами,
А перед Родиной самой.

Вождей во дни победы славить
И зло хулить в тяжёлый час,
И нас самих судить не вправе
Те, кто обманывает нас.

Их заклинательные трели
По нраву публике дурной.
У них семь пятниц на неделе,
Но только правды ни одной.

Я слышал их и видел вдосталь,
И, может статься, потому
С годами делался Твардовский
Понятней сердцу и уму.

Да будет каждому известно:
Не он один не продал честь,
Пусть мало их, но повсеместно
Такие люди всё же есть.

Как есть и те, что знать не знали,
Кто их спасал, а кто губил,
Вернее, знали, но молчали,
Когда Твардовский говорил.

Они сегодня преуспели,
Провидцы и говоруны,
Что нежно в тряпочку сопели
И в том не видели вины.

Оно верно себе, отродье,
Вся эта, нежно скажем, рать,
Которая живёт сегодня,
Чтоб завтра снова складно врать.

Пока на белом свете дышим,
Чтоб память не пеняла нам,
Всех надо вовремя услышать,
И всех назвать по именам.

Всех, это значит тех и этих,
Своих до смерти и чужих,
Чтоб знали их и наши дети,
И внуки помнили о них.

Тогда в достатке будет хлеба,
Сердца правдивы и слова,
И чистым будет наше небо,
И наша Родина жива.

1987–2020

* * *

Через свет, через темень
В строй и дальше – из строя в запас
Мы проходим сквозь время,
А время проходит сквозь нас.

Мы во времени нашем
Вырастаем из света и тьмы.
Время движется дальше,
Каким его сделали мы.

Как смешны отговорки,
Что сотни веков напролёт
Жизнью сладкой и горькой
Весь мир от рожденья живёт.

Нас никто не услышит,
Если мы не начнём говорить,
А за всё, что не вышло,
Нам не с кого будет спросить.

В наши зимы и лета
Было время во власти у тьмы,
А осталось без света –
Стало быть, не зажгли его мы.

* * *

Высокие лики божницы.
Лампада чадит фитильком.
Уж скоро придётся проститься
И встретиться в мире другом.

Раскинет судьбина на картах
И выпадет картой из рук:
Кто свалится вдруг от инфаркта,
Кто пулей ужалится вдруг.

Проводят друзья честь по чести,
Смирив безутешно сердца.
Достойно последнюю песню
Успеть бы допеть до конца.

Там песни начнутся иные,
С небесных бесстрастных вершин
Откроются тайны глухие
Наивной и тёмной души.

Ей будет и стыдно, и больно
Под тяжестью вечных оков
Больших ли грехов своевольных,
Невольных ли малых грехов.

Бог с нами... Иное тревожит,
Бессмертною болью боля.
Последней молитвой, быть может,
Спасётся родная земля.

Оставив инфаркты и пули
За краем отпущенных дней,
Мы будем в аду ли, в раю ли
Молить о России своей.

* * *

Что мы храним, не храним
В мире прекрасном и страшном –
Нашим ли было, не нашим –
Всё остаётся другим.

Родина: город, село...
Где бы ты жил, где бы не жил,
Выбор везде неизбежен:
Только добро или зло.

С чем ты придёшь и уйдёшь,
Чем тебя вспомнят, прохожий:
Правдою правду умножишь,
Ложью обрадуешь ложь?

Жизнь на земле — ремесло,
Полное вечной кручины:
Нет у неё середины –
Или добро, или зло.

Ждан, привечаем, гоним,
Что ненавидишь и любишь,
Что ты спасёшь, что погубишь –
Всё остаётся другим.

* * *

На окне в горшке алоэ.
Ванька мокрый на окне.
У торшера в креслах двое.
Два портрета на стене.

Он в гвардейской форме слева.
Справа в платьице она.
Есть запев, но нет припева.
Сочинит его война.

И распишет, как по нотам,
По дороге на Герат
Дробь ручного пулемёта,
Близкий гром ручных гранат.

И в конце афганской песни
Многоточье после строк:
Он, сидящий в левом кресле –
Два протеза вместо ног...

* * *

Великая, не знающая края,
взлетающая, падать не боясь,
единственная, вдребезги родная
красавица, низвергнутая в грязь,
простуженная, хриплая, босая,
не верящая больше ни во что,
способная и жить, и умереть играя,—
та, без которой мы никто,—
в последний раз, коль суждено судьбою,
не плача, не страшась и не скорбя,
дышать, мечтать, молиться перед боем
Тобою
о Тебе
и за Тебя!

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСОКИЕ ДОЛГИ ПОЭТА 5
1955. ВОСКРЕСЕНЬЕ 110
1991-й 117
2007. ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ 119
2014-й 121
Ах, вечная жизнь, ты не знаешь покоя 147
БАЛЛАДА О БЕДАХ И РАДОСТЯХ 140
БАЛЛАДА О МОЛЧАЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ 108
Бескраен мир, дороги все открыты 95
Беспутье. Бездолье. Забвенье 122
БОГИ 178
В белый свет не успеешь вглядеться 167
Великая, не знающая края 192
ВЕЧНОЕ ВРЕМЯ 30
В защиту всех, не к месту и не к сроку 68

Войди в калитку без опаски 26
ВОСПОМИНАНИЕ У КАРАКОРУМА 20
Воспрянуть изо льда, плеснуть из камня 65
В пруду, зарастающем ряской 179
Всего и дел на белом свете. 39
Всему ли найдёшь оправданье? 166
Всё правда. Нет, не здесь, не там, не где-то 82
Всё чаще время с нами говорит 63
В столпотворенье людей и машин 88
В сутеми смыслов и замети слов 32
Высокие лики божницы 188
ГВОЗДИ 35
Глупый вопрос 177
Годы мчатся, словно снятся 42
Господи, куда мы и откуда? 48
ГУСАРЫ 106
Даже их имена я не знаю 113
ДОРОГА НА ХАТЫНЬ 24
Друг мой, брат мой! 124

Друзья, ну сколько нас осталось 60
За бортом, за кормой всё пропало из виду 73
За краем уснувшего леса 86
За миг один пройдут, но вечно будут сниться . . 83
Занятие не из простых 50
За что их кормит отчая земля? 37
Здесь или здесь — нет повода гадать 97
Земля качалась, ветер выл сердито 75
И мне с тобой, и другу, и врагу 62
Казалось, эта боль не навсегда 180
Какое хочешь можно снять кино 40
Как они в твоём сердце болят 80
КАТОРЖАНИН 22
Когда опять не спится — понимаю 92
Когда утихнут все былые споры 45
Красавица, мечта поэта 55
Мне бы жить-поживать красным летом 27
Моё собранье сочинений 175
На окне в горшке алоэ 191

На свете то, что не мгновенно 43
Насупленный продрогший вечер 149
Не верьте мне. Я сам себе не верю 58
Не всё тщета и суета 164
Нежданно сердце вспомнило слова 100
Неотвратимы внезапные смены 143
Нести пустячный вздор 160
Не я своё сокровище храню 151
Ни слуха. Ни привета 77
ОВСЯНКА 98
Оглянись, закайся, застыдись 169
ОДИНОКИЙ 115
Омское медлительное утро 56
Оно живое, никуда не деться 142
От колодца тропка вьётся 28
От окна широким плотным фронтом 52
Отставьте диагнозы, приговоры, пророчества. . 157
О чем, друзья мои сердечные 67

Первый самый сорвётся со скал 94
Пишу не так и не о том пишу 162
По диким степям Забайкалья 15
Пока ещё горит звезда моя 72
Пока смеюсь я над собою 158
Почтеньем не заласканный ничьим 173
ПРЕДВЕЧЕРНЕЕ 159
Рассчитаны судьбою поминутно 172
Руки твои прикасались ко мне 152
Сказ не длинный, не короткий 130
Скоро забудут, запишут ли в святцы 126
Слабеет тело, в чём признаться вслух 170
Снег падать спешит 46
СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ 101
Спокойно над нами растут облака и деревья . . 105
Спокойный сердца стук и ровное дыханье 74
С сердечным жаром и остудой 90
Старушки берёзы согнулись над кручею 84

С терновым ли страдательным венцом 133
СЫНОВЬЯМ 138
ТАЙФУН 17
Так, без причины, припомнил нечаянно 125
Твой бывший друг давно тебе не пишет 135
Теперь не та писательская слава 146
То в тени плакучей ивы 103
ТРАМВАЙ ЖЕЛАНИЙ 165
Уже миновали пятнадцать минут театральных . . 69
Холодный взгляд 71
ХОЛОП 19
Через свет, через темень 187
ЧЕТВЁРТОЕ КУПЕ 144
ЧИТАЯ ТВАРДОВСКОГО 181
Что ж, совести разменная монета 132
Что мы храним, не храним 190
Что ни делай, как душу ни мучай 127
Чьи свет и тень, приход или уход 136

ЭТЮД 99
Я бы вырастил самую круглую тыкву. 79
Я знаю, что умру 156
Я, не постигший тайны мирозданья 154
Я становлюсь свободней год от года 128

Владимир Михайлович ТЫЦКИХ

ВСЁ ОСТАЁТСЯ ДРУГИМ

Стихи в авторской редакции.

В оформлении использованы фото
из архива автора.

Технический редактор — *Владимир Постышев.*
Ответственный за выпуск — *Эльвира Кочеткова.*
Допечатная подготовка — *Владимир Постышев.*

Заказ № 0240221 Бумага Golden Star
Формат 60x84/32 Усл. п.л. 3,5 Тираж 350 экз.
Подписано в печать 24.02.2021
Печать офсетная.

Отпечатано в типографии АО «Полицентр»
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Тел. 8 (42361) 4-45-89.

Мы так грезим о будущем, что кажется — жизнь обещает нам его. Но время идёт быстрее, чем сбываются наши ожидания. Жизнь доверяется нам такой, какая есть. И беречь её больше некому.

Вл. Гоцких

ISBN 978-5-93577-225-3

9 785935 772253 >